

ISSN 2587-7844

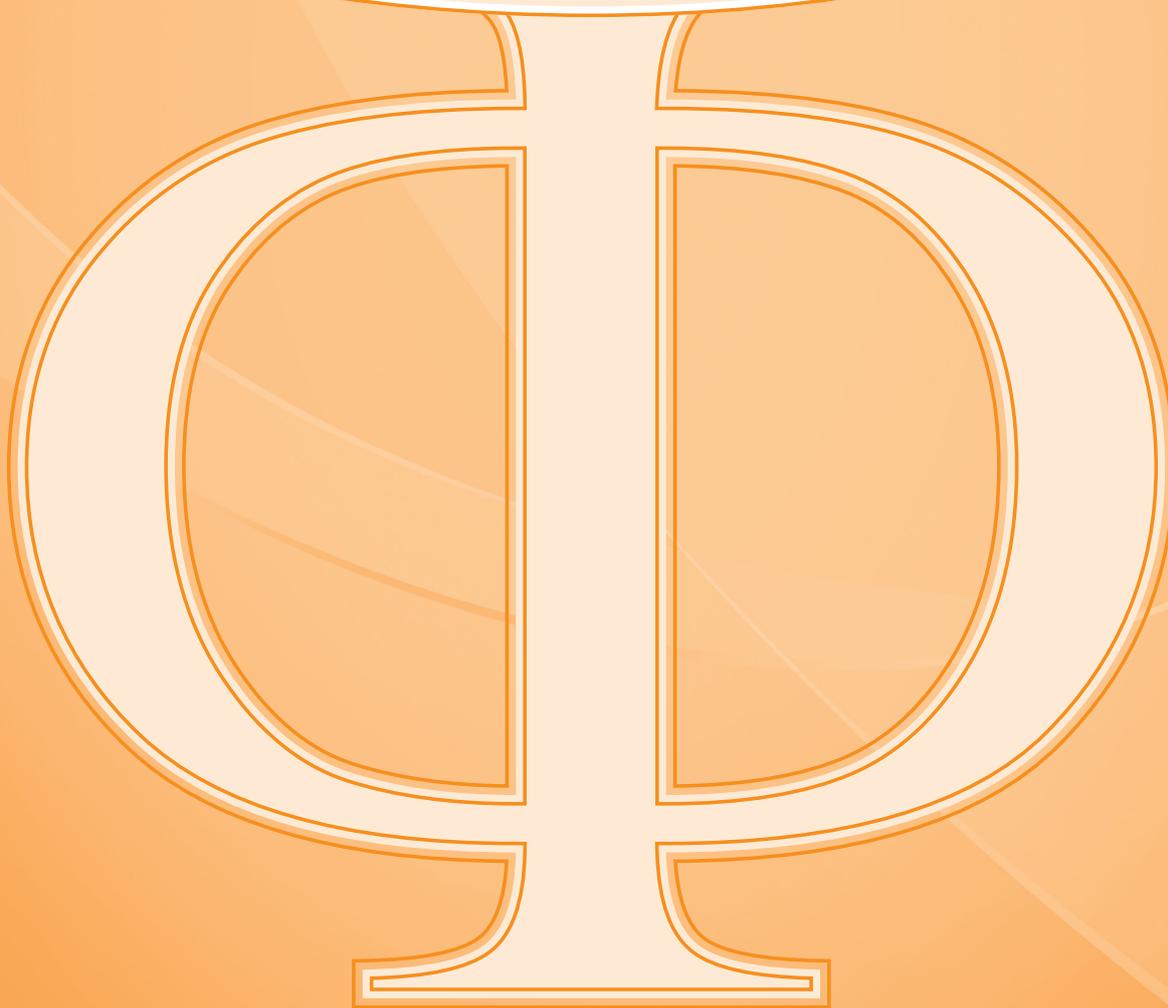
СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2021. № 5 (17)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведён Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Журнал размещается на платформе публикаций Readera

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voyvodich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатьева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Чжон-Кван, доктор PhD, Национальный университет Кёнбук (Республика Корея)
Park Jong-kwan, PhD, Doctor, Gyeongbuk State University (The Republic of Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е.Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.Yu., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации (Краков, Польша)
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ¹

Актуальные проблемы языкознания

А.В. Михайлов
МАРКЕРЫ УКОРЕНЕННОСТИ
В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЙ ПО РЕКЕ ЕНИСЕЙ
A.V. Mikhaylov
MARKERS OF ROOTEDNESS
IN THE SPEECH OF RESIDENTS
OF SETTLEMENTS ALONG THE YENISEI RIVER

[4]

Т.В. Михайлова
ЦЕННОСТИ «МЕСТА»
В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ
T.V. Mikhaylova
THE VALUES OF “PLACE”
IN THE PERCEPTION OF THE INHABITANTS
OF YENISEI SIBERIA

[13]

Т.В. Тарасенко
СИБИРСКИЙ ПАРАДНЫЙ ОБЕД В СВЕТЕ ЯЗЫКА
T.V. Tarasenko
SIBERIAN CEREMONIAL DINNER
IN THE LIGHT OF LANGUAGE

[23]

С.В. Ускова
ВЕРБАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ
ЖИТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЕНИСЕЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ
S.V. Uskova
VERBAL SELF-IDENTIFICATION
OF A RESIDENT OF THE MODERN YENISEI SETTLEMENT

[38]

И.В. Архипова
КОНСЕКУТИВНЫЙ ТАКСИС В АСПЕКТЕ
МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)
I.V. Arhipova
CONSECUTIVE TAXIS IN THE ASPECT
OF INTERCATEGORICAL INTERACTION
(BASED ON THE MATERIAL
OF DIFFERENT-STRUCTURED LANGUAGES)

[46]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Актуальные проблемы литературоведения

В.Э. Биктимиров
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ
В РОМАНЕ «ШИРОКОЕ ПОЛЕ» Г. ГРАССА
V.E. Biktimirov
ARTISTIC UNDERSTANDING OF HISTORY
IN G. GRASSE'S NOVEL “TOO FAR AFIELD”

[55]

СЛОВО МОЛОДЫМ

А.В. Бурилова
ОБРАЗЫ ГЕРОИНЬ ПОВЕСТИ
«НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ» Н.В. БАРАНСКОЙ
И РОМАНА «ГОСПОЖА КИМ ЧЖИ ЕН,
РОЖДЕННАЯ В 1982 ГОДУ» ТЕ НЭМ ДЖУ
В СВЕТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ
A.V. Burylova
IMAGES OF THE HEROINES OF THE NOVELLA
“A WEEK LIKE A WEEK” BY N.V. BARANSKAYA
AND THE NOVEL “MRS. KIM JI-YONG, BORN IN 1982”
BY TE NEM JU IN THE LIGHT OF GENDER ISSUES

[66]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[73]

¹ В разделе публикуются материалы участников Сибирского исторического форума – 2021, секция «Языки и диалекты народов Сибири: история и современность».

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-97>

УДК 81-25

МАРКЕРЫ УКОРЕНЕННОСТИ В РЕЧИ ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛЕНИЙ ПО РЕКЕ ЕНИСЕЙ¹

А.В. Михайлов (Красноярск, Россия)

Аннотация

Изучение современного состояния самовосприятия жителей сельских поселений Приенисейской Сибири должно опираться на предшествующий опыт изучения «колонизации» (освоения) Сибири в ее различных видах.

В работе рассмотрены параметры «укорененности» (стабильности) как семантического комплекса, противопоставляемого «мобильности». Материалом послужила речь русскоязычных жителей поселений по реке Енисей, а также жителей поселков на полуострове Таймыр Красноярского края. Автором наблюдается подчеркивание информантами стабильного состояния в актуально наблюдаемое время. Для указания на «укорененность» информанты используют лексемы с семантикой нахождения на месте, происхождения от достойного предка, хозяйственной или иной вынужденности предшествующих переселений, топонимы с указанием на освоенность территории.

Автор приходит к выводам о демонстрируемой собирателю значимости для информанта как функционального распорядителя местности статуса постоянного пребывания и полноценного обладания собственной территорией поселения в целом и его окрестностями.

Ключевые слова: Приенисейская Сибирь, признаки укорененности, наблюдения над речью, противопоставление мобильности и стабильности.

Постановка проблемы. В работе делается попытка обратить внимание на своеобразное явление, фиксируемое собирателями-филологами при общении в полевых условиях с жителями относительно удаленных поселений: информанты в беседе и ответах на вопросы сосредоточиваются на собственном пребывании в данном месте. В ходе обсуждения этой темы информанты говорят об обстоятельствах появления либо личных, либо собственного рода в данном населенном пункте исторических фактах, причинах, отдельных событиях и т.п. Поскольку эта сосредоточенность не формируется извне, а переживается информантами как актуальная, следует, очевидно, признать ее достойной внимания.

Цель данной статьи – описать некоторые маркеры укорененности в данном месте, которые противопоставляются информантами показателям «летучести», «подвижности», иначе – мобильности.

Полевой материал для исследования собран в значительной мере в экспедиционных поездках по населенным пунктам на р. Енисей, на Таймыре по рр. Хета,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00492 «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы».

Котуй, Хатанга в 2020–2021 гг. Информантами выступили не только этнические русские жители поселений (староверы, «новоправославные», лица, индифферентные к религиозным различиям), но и долгане, ненцы, энцы.

В целом семантика мобильности характерна для территорий вторичного или даже третичного заселения, к которым привычно относят Центральную, Восточную Сибирь и ряд других территорий. Приенисейская Сибирь и ее пространство становились объектом научного интереса этнологов, изучающих этнические контакты и перемещения в обозримом прошлом народов и этнических общностей данной территории. Несколько более ранние, не отмеченные в памятниках устной истории, фольклора артефакты, окрашенные этнически, собираются археологами по берегам рек Енисей, Ангара и их притокам. Как пишет Н.П. Макаров, на основе широкого круга археологических источников, хранящихся в фондах музеев, данных научной литературы, архивных документов, можно составить «реконструкцию сложных процессов культурогенеза коренных народов Красноярского края в различные периоды каменного, бронзового, железного веков, а также эпохи Средневековья» [Макаров, 2013, с. 841; Макаров, Баташев, 2013].

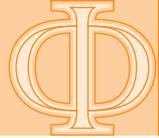
Древнейшие и древние факторы миграции/оседлости едва ли могут получить твердую опору в языковых фактах. Более обстоятельно и доказательно можно говорить об исторически зафиксированных фактах и процессах взаимодействия русских в Сибири с сибирскими этносами.

Как пишет М.К. Чуркин, «обстоятельное исследование условий адаптации русских сибиряков в регионе, среди которых одну из решающих функций выполнял природно-географический фактор, было проведено Б.Е. Андюсевым», «наибольшее влияние на формирование хозяйственной инфраструктуры, приспособительную изменчивость и традиционное сознание сибирского населения оказывали естественно-географические, природные факторы <...> постоянство адаптационных процессов вырабатывает у всех жителей региона адекватные адаптивные стратегии» [Чуркин², 2007, с. 223].

По мнению О.В. и Н.О. Щупленковых, «в зависимости от социального состава населения и его общественного положения переселения в истории дореволюционного периода проходили в следующих основных формах колонизации: военной, казачьей, крестьянской, криминальной и т.д.» [Щупленков О.В., Щупленков Н.О., 2013, с. 32].

Эти формы переселений описаны Н.М. Ядринцевым: «В XVIII столетии началось казенное заселение трактов и линий. Правительству понадобилось соединить промежуточными пунктами намеченные острогами и крепостями границы завоеваний. <...> с XVIII столетия начинают ограждаться границы посредством казачьих линий и поселений. <...> Вслед за военной и казенной колонизацией следует промышленная, торговая и вольно-народная колонизация. Промышлен-

² Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации: дис. ... д-ра ист. наук. Омск: ОмГПУ, 2007. 500 с.

ники и искатели богатств наполняют Сибирь не менее гулящих людей, они рыщут по сибирским пространствам, по глухой тайге и прокладывают тропы, они создают блокгаузы, промышленные избышки и даже предшествуют военной колонизации» [Ядринцев, 1882, с. 132]. Тот же исследователь отмечает, что «вслед за перемещением является искание места для водворения, затем процесс обзаведения» [Ядринцев, 1882, с. 151].

Как видим, процессы и семантика мобильности находятся в динамическом равновесии с семантическим комплексом «устойчивости», «оседлости», «пробытия на постоянном месте», «укоренения».

Особенно четко и остро такое противопоставление возникает в ситуации организованной «сверху» активности по освоению восточных земель и перемещению людских масс. В целом укрупненно можно выделить виды и причины переселения – сельскохозяйственное и промышленное. Однако, как наблюдаем у Н.М. Ядринцева выше, можно более подробно описать явление («промышленная, торговая и вольно-народная колонизация», причем лексема «вольно-народная» должна пониматься как ‘спонтанная’, ‘неуправляемая’?).

В конце XIX в., а затем уже после Октябрьской революции возникает идея овладения сырьевыми богатствами Сибири и Дальнего Востока, строительства производств и городских поселений вокруг них, обустройства новых транспортных путей. Плановое хозяйство советского времени предполагает перемещение трудовых масс согласно плану, включая и потоки внутри системы ГУЛАГа.

Результаты исследования. Таким образом, появляются волны перемещений, которые оставили после себя крупные и небольшие промышленные города, городки, поселки (трудовая вербовка, оргнаборы, ссылка и заключение в лагеря, организация навигации, метеорологической службы, военных городков), и такие же волны повлияли на местное укорененное уже население в сельской местности в Енисейской Сибири с сельским типом хозяйствования (это и ссылки, и эвакуация, и «укрупнение» населенных пунктов) [Резун, Шиловский 2005; Тимошенко, 2013; 2018].

Цели российского государства, по мнению исследователей, заключались не в перемещении граждан из одних районов страны в другие, а в заселении этих районов россиянами. Поощрялась служба в казачьих войсках, для снабжения служилых людей продовольствием в Сибирь привлекались крестьяне, которые также получали от казны существенную поддержку. Переселенцам выдавались «подорожные», они обеспечивались транспортом, освобождались от налогов. Переселенцы же распространили более передовые способы хозяйствования до Полярного круга [Резун, Шиловский, 2005, с. 69].

Многие авторы представляют Сибирь (уже в советский период) как активно развивающуюся территорию, на которой поэтапно с запада на восток реализовывались крупные социально-экономические программы, осваивались месторождения, строились новые населенные пункты, в которых формировался урбанистический образ жизни.

Комплекс государственных мобилизационных мероприятий позволил расселить по территории страны русское население, распространить в многонациональном государстве русскую хозяйственную культуру, в то же время аккумулировать в едином экономическом пространстве традиции разных народов России. Мобилизационный характер государственной политики исторически становился мощным фактором сохранения территории страны, ее целостности и экономического единства в рамках централизованного государственного управления [Тимошенко, 2013].

Примерно такого же плана, но весьма масштабным по размахам, перемещениям стало освоение целинных и залежных земель Казахстана и Сибири [Зеленин, 1998; Занданова, 1997].

Примечательно идеолого-текстовое оформление «движения на Восток = освоения целины», ср. стихи поэта Романа Тимофеева в песне «Комсомольская»: «Сегодня комсомольцы уезжают / В далекую непаханую степь» [Романтика...].

Отъезд (=мобильность) завершается логическим образом к сезонным действиям пахоты, сева, сбора урожая, пахоты (=стабильность, оседлость): «По примеру товарищей старших, / возводивших в глуши города, / немудреный багаж свой собравши, / мы сегодня стремимся туда, / где колхозной весной не сеют, / где в осеннюю пору не жнут, / где поэтому ныне нужнее / наш задорный, настойчивый труд» [Ветлугин, 1954, с. 2].

Освоение новых земель приводит к тому, что «Едем мы, друзья, / В дальние края, / Станем новоселами и ты и я». Согласно стихотворению Э. Иодковского, перемещение имеет целью не движение собственно, а достижение результата – фиксацию на месте. В сборнике 1962 г. об участии молодежи в движении по освоению целинных и залежных земель говорится именно о закреплении на земле [В краю..., 1962].

Мы считаем эффективным изучение в ходе включенного наблюдения и опросов текстов, в которых носители локального самосознания характеризуют свою местность, топонимически выделенные орограммы (если так позволительно будет назвать маркированные собственным наименованием фрагменты местности внутри населенного пункта и в непосредственной близости от него), оценивают собственное проживание в данном населенном пункте и в целом вдали от «цивилизации» [Михайлов и др., 2020, с. 5; Орлов, 2006].

В ходе работы выявляются существенные семантические комплексы дома/домашности, хозяйственной деятельности, досуга, семьи/рода.

Семантика укорененности в таком самоописывающем тексте прежде всего результирует для употребления внешним наблюдателем (исследователем) осмысленность, весомость факта пребывания в комплексе ‘наблюдатель (мобильный, текущий)’ – ‘информант (устойчивый, оседлый)’.

Трудовая мобильность, конечно же, легко соотносится с негативными понятиями советского же времени «перекати-поле», «летун», «рвач» и т.п.

Оставаться на месте, сохранять, развивать на данном месте свой род для жителя Приенисейской Сибири – это ценность, о которой нужно заявлять вслух. При этом люди не всегда буквально следуют своим словесным декларациям и декларативному поведению. Множество примеров тому – в каждом населенном пункте, ср. ситуацию: глава администрации (авторитетный человек в поселении, из уважаемого рода) приобретает недвижимость во Вьетнаме (и анекдотически застревает во время пандемийных ограничений там), сотрудник администрации, приближенное к районным верхам лицо, приобретает каждому члену семьи по квартире в Красноярске по программе «Север – Юг», уезжает после этого в Германию, там живет на пособие для безработных, раз в году приезжает за арендной платой от сдаваемых квартир...

Ценностью для уроженца Сибири, согласно данным словаря под редакцией А.И. Федорова, становится ‘жить безвыездно на месте’.

Положительной коннотацией в восприятии более ранних поселенцев и в целом сибиряков обладает сочетание сем ‘раннее поселенчество’ и ‘безвыездное пребывание’ в Сибири, ср.: ‘первые (русские северные) переселенцы’, в отличие от последующих большей частью (южно)русских «волн»: я не из хохлов, я **в сибиряках** жила / **сроду** никуда не ездила. ...живу тут семьдесят годков безвыездно / Да я **здешнова рожденка** ‘местный житель’. Тут и помру; **Причендал** ‘приезжий’: Коренных семей всего 10 дворов. А больше все **причендалы**, просто нездешние, приезжие [Федоров, 1983].

Нахождение в данном месте для носителя енисейского локального сознания имеет положительную оценку: Туруханск для меня / ощущение дома / нет суеты // мой брат не мог жить здесь / ему нужно двигаться [осуждается уехавший брат]; раньше люди были лучше // кто родился здесь и прожил всю жизнь; Даже за медовые пряники в Красноярск не уеду / что там делать? / с севера я б никогда на материк не уехала [информант из Курейки] [Архив..., 2020–2021].

Признак укорененности противопоставлен способности к перемещению. Восприятие подвижности (вообще перемещений) специфично. В сибирском поселении его жителями и в их речи и представлениях (а ведь некогда именно по своей динамичности они оказались в Сибири) подвижность приобретает негативные свойства, ср.: поехать в Москву за песнями...; чо ты поедешь с редких кустов в густые кусты? чо тебе плохо здесь?; умотался в николаы ‘неизвестно куда’, ничо не знаю про его [Федоров, 1983].

Оценивается негативно и кончина не в своем доме: умереть не на своей лавочке; бродячая посельга ‘сосланные в Сибирь’; когда населяли Сибирь российскими, у их речь друга, обряды; мы-то чалдоны, а они россейские, пришлые. Наши лапти не носили, да и не видали... [Федоров, 1983].

Позитивно оценено владение собственностью (скотом, недвижимостью).

‘обладание скотом, собственным двором’: ...война [раньше] за огород была / люди садили за деревней / везде садили // во-первых подворья были большие /

все держали свиней / коров / и по осени лишний картофель можно было продать / прямо мешками везли на баржи / приработок / а сейчас / огороды пустые / никто ничего не сажит / заросло все борщевиком или вот пучкой [с. Ворогово].

‘строительство (нового) дома’, ‘личный вклад в строительство’: нравится мне здесь все / если построил все с нуля / ни тракторов / брус на себе таскал / на кобыле привозил / снегоходов не было ничего / развиваюсь / строюсь / вкладываюсь / [пос. Ермаковское].

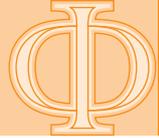
‘доверие друг к другу’: / люди другие / потому что Север / верите нет / я когда поехал в Минусинск / родственники там / когда я увидел двухметровые заборы / это был для меня шок / мне никто не верил / что у нас все штакетником / замки никто никогда не закрывал / у многих ключей уже замков нет / [пос. Старотуруханск].

‘красота места’, ‘чистый воздух, экологичность’: самое красивое место у меня; намного чище [воздух здесь] / чем в городах, где стоят заводы // сюда очень долго доходят вирусы [Архив..., 2020–2021].

Выводы. Таким образом, маркерами укорененности становятся в речи жителей поселений в ситуации предъявления собственного образа жизни для собирателя (=чужака, пришлого, временного) признаки обладания пространством и его частями, активная деятельность по хозяйственному пользованию инвентарем освоенного пространства. Подобные же феномены отмечались целым рядом других исследователей [Гынгазова, 2019; Букринская, Кармакова, 2015; Беднарчук, 2016; Богданов, 2001].

Библиографический список

1. Архив проекта «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы»: рукописные, машинописные, электронные материалы. Красноярск, 2020–2021.
2. Беднарчук А.И. К вопросу о функциях старшего поколения (бабушек и дедушек) в современной семье // Система ценностей современного общества. 2016. № 50. С. 143–148.
3. Богданов К.А. Повседневность и мифология: Исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб.: Искусство – СПб, 2001. 437 с. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (дата обращения: 10.02.2020).
4. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Изучение диалектного текста: рассказ-пластинка // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В.Е. Гольдина. Саратов: Амирит, 2015. С. 26–36.
5. В краю просторов и подвигов: Молодежь на целине: сб. документов. М.: Молодая гвардия, 1962. 280 с.
6. Ветлугин И. Мы стране обещанье даем // Сталинское племя. 1954. 28 февр. С. 2.
7. Гынгазова Л.Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура Сибири в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. Ч. 1: Речевые практики сибиряков. С. 55–95.
8. Занданова Л.В. Переселение крестьянства в Азиатскую Россию (конец 40 – середина 60-х гг. XX в.). Иркутск: ИГПУ, 1997. 158 с.
9. Зеленин И.Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы» (сентябрь 1953 – начало 60-х годов) // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.

10. Макаров Н.П. Древние этапы культурогенеза народов Красноярского Севера // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences. 2013. № 6 (6). С. 816–841.
11. Макаров Н.П., Баташев М.С. Теория и практика археолого-этнографических реконструкций процесса этногенеза коренных народов Красноярского Севера // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 190–193.
12. Михайлов А.В., Михайлова Т.В., Ускова С.В., Чижова Е.А. Материалы к словарю рефлексивов Енисейской Сибири: антропонимы и топонимы в восприятии сибиряка. Красноярск: РИО СибГУ, 2020. 120 с.
13. Орлов И.Б. Устная история: генезис и перспективы развития // Отечественная история. 2006. № 2. С. 136–148.
14. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 194 с.
15. Романтика целинной эпопеи. Стихи о покорителях целины в периодических изданиях научно-справочной библиотеки Государственного архива Новосибирской области. Б.м.: Б.и., Б.г. URL: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/page_1090/romantika.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
16. Тимошенко А.И. Индустриальное освоение Сибири в 1950–1980-е гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2018. № 4 (40). С. 47–51.
17. Тимошенко А.И. Мобилизационный характер освоения Арктики и Северного Морского пути // Мобилизационная стратегия хозяйственного освоения Сибири. Программы и практики советского периода (1920–1980-е гг.). Новосибирск: Институт истории СО РАН, 2013. С. 245–286.
18. Федоров А.И. Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983. 232 с.
19. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Политика переселения населения в России начала XX века – методология вопроса // Урбанистика. 2013. № 1. С. 31–72. DOI: 10.7256/2310-8673.2013.1.10383
20. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. Спб., 1882.

Сведения об авторе

Михайлов Алексей Валерианович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-97>

MARKERS OF ROOTEDNESS IN THE SPEECH OF RESIDENTS OF SETTLEMENTS ALONG THE YENISEI RIVER

A.V. Mikhaylov (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The study of the current state of self-perception of the inhabitants of rural settlements of Yenisei Siberia should be based on the previous experience of studying the “colonization” (development) of Siberia in its various forms.

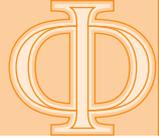
The paper considers the parameters of «rootedness» (stability) as a semantic complex opposed to “mobility”. The material was the speech of Russian-speaking residents of settlements along the Yenisei River, as well as residents of settlements on the Taimyr Peninsula of the Krasnoyarsk Territory. The author observes that informants emphasize a stable state at the actual observed time. To indicate the “rootedness”, informants use lexemes with the semantics of being in place, origin from a worthy ancestor, economic or other necessity of previous relocations, toponyms indicating the development of the territory.

The author comes to conclusions about the importance demonstrated to the collector for the informant as a functional manager of the locality of the status of permanent residence and full possession of his own territory of the settlement as a whole and its surroundings.

Keywords: *Yenisei Siberia, signs of rootedness, observations on speech, opposition of mobility and stylability.*

References

1. Archive of the project “Studying the self-consciousness of the inhabitants of the territory in self-descriptions and reactions to verbal stimuli”: Handwritten, typewritten, electronic materials. Krasnoyarsk, 2020–2021.
2. Bednarchuk A.I. On the question of the functions of the older generation (grandparents) in the modern family // System of values of modern society. 2016. No. 50. P. 143–148.
3. Bogdanov K.A. Everyday life and mythology: Research on the semiotics of folklore reality. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 2001. 437 p. URL: <https://www.booksite.ru/localtxt/pov/sed/nev/nost/index.htm> (access date: 10.02.2020).
4. Bukrinskaya I.A., Karmakova O.E. The study of dialect text: a story-plate // Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V.E. Goldin. Saratov: Amirit, 2015. P. 26–36.
5. In the land of open spaces and feats: Youth on virgin land: Collection of documents. Moscow: Young Guard, 1962. 280 p.
6. Vetlugin I. We give a promise to the country // The Stalinist tribe. 1954. February 28. P. 2.
7. Gyngazova L.G. Key concepts of traditional folk culture in the speech practices of the Siberian peasant woman // The Verbal culture of Siberia in the All-Russian and European contexts (XIX – early XX century). Tomsk: Publishing House Vol. un-ta, 2019. Part 1. Speech practices of Siberians. P. 55–95.
8. Zandanova L.V. Resettlement of the peasantry to Asian Russia (late 40s – mid 60s of the XX century). Irkutsk: IGPU, 1997. 158 p.
9. Zelenin I.E. The Virgin Epic: development, adoption and implementation of the first Khrushchev “superprogram” (September 1953 – early 60s) // Russian History. 1998. No. 4. P. 109–122.

10. Nikolai P. Makarov. The Ancient Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Northern Indigenous Peoples In: Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. No. 6. P. 816–841.
11. Makarov N.P., Batashev M.S. Theory and practice of archaeological and ethnographic reconstructions of the process of ethnogenesis of indigenous peoples of the Krasnoyarsk North // Bulletin of Tomsk State University. History. 2013. No. 3 (23). P. 190–193.
12. Mikhaylov A.V., Mikhaylova T.V., Uskova S.V., Chizhova E.A. Materials for the Dictionary of Reflexives of Yenisei Siberia: Anthroponyms and toponyms in the perception of a Siberian. Krasnoyarsk: RIO Sibstu, 2020. 120 p.
13. Orlov I.B. Oral history: genesis and prospects of development // Domestic history. 2006. No. 2. P. 136–148.
14. Rezun D.Ya., Shilovsky M.V. Siberia, the end of the XVI – beginning of the XX century: the frontier in the context of ethnosocial and ethno-cultural processes / Ed. V.A. Lamin. Novosibirsk: Publishing house “Sova”, 2005. 194 p.
15. The romance of the virgin epic. Poems about the conquerors of virgin lands in periodicals of the scientific reference library of the State Archive of the Novosibirsk region. B.M.: B.I., B.G. URL: https://archives.nso.ru/sites/archives.nso.ru/wodby_files/files/page_1090/romantika.pdf (access date: 20.11.2021).
16. Timoshenko A.I. Industrial development of Siberia in the 1950s–1980s. // Northern region: science, education, culture. 2018. No. 4 (40). P. 47–51.
17. Timoshenko A.I. The mobilization nature of the development of the Arctic and the Northern Sea Route // Mobilization strategy of economic development of Siberia. Programs and practices of the Soviet period (1920–1980s). Novosibirsk: Institute of History SB RAS, 2013. P. 245–286.
18. Fedorov A.I. Phraseological dictionary of Russian dialects of Siberia. Novosibirsk, 1983. 232 p.
19. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The policy of population resettlement in Russia at the beginning of the twentieth century – the methodology of the issue // Urbanistics. 2013. No. 1. P. 31–72. DOI: 10.7256/2310-8673.2013.1.10383
20. Yadrintsev N.M. Sibir' kak koloniya [Siberia as a colony]. St. Petersburg, 1882.

About the author

Mikhaylov Alexey Valerianovich – Candidate of Philology, associate professor, Head of Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk); e-mail: avm_2006_64@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-98>

УДК 81:572

ЦЕННОСТИ «МЕСТА» В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ¹

Т.В. Михайлова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В работе рассмотрена ценностная часть восприятия места проживания жителями Приенисейской Сибири. Материалом послужили записи устной речи носителей енисейского локального сознания, сделанные в экспедициях 2020–2021 гг. в среднем и нижнем течении реки Енисей. Автор выявляет положительную наполненность представлений о советском прошлом территории. Семантика плодородия, комфорта, свободы, созидания, связи с родовыми корнями составляет положительно-оценочную часть аксиопространства Приенисейской Сибири. Понимание жителем территории самого себя как несущего положительную оценку и заведомо благого опирается на семантику гомогенности пространства и его обитателя.

Ключевые слова: поселения Приенисейской Сибири, оценка пространства, параметры, ценности места, благое прошлое, устная речь.

Постановка проблемы. Анализ восприятия территории ее жителями является важной частью в работе лингвистов по описанию специфических черт локального сознания. Осознание своего места проживания как некой совокупности различных смыслов способствует процессу духовного «присвоения» территории человеком, т.е. восприятию земли как «своей».

Место проживания воспринимается человеком как важная составляющая его жизни. Само понятие места как определенной точки в пространстве является объектом изучения наук, относящихся к различным видам знания – от математики и физики до философии, искусствоведения и филологии [Яковлева, 1994, с. 16–19]. Исследователь отмечает антропоморфный характер отображаемого в языке пространства, обращает внимание на то, что данная категория «...“одушевляется” человеческим присутствием... трактуется, прочитывается человеком» [Яковлева, 1994, с. 18].

В свою очередь, понятия пространства и места связаны друг с другом. В ряде работ В.Н. Топорова присутствует идея обживания пространства, идея создания упорядоченной иерархии пространства путем «собираения» его в отдельные места, внутри которых находятся люди, «населяющие это “место” и имеющие заинтересованность в нем» [Топоров, 1983, с. 279–281].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00492 «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы».

Понятия «образ места», «образ территории» становятся все более востребованными в различных отраслях научного знания – в геокультурологии, социологии, маркетинге... [Замятин, 2006; Крылов, 2010; Окладникова, Воронцов, 2020, с. 292–313].

В современной лингвистике различные направления тем или иным образом касаются идеи исследования восприятия жителями своего «родного» пространства: этнолингвистика, лингвокультурология, аксиологическая лингвистика, топонимика, психоллингвистика [Березович, 2000].

Существуют довольно интересные социологические исследования, посвященные изучению восприятия своей земли современными сибиряками. В них отмечается, что в восприятии территории сельскими жителями понятия «люди», «земля», «работа», «здоровье», «дети» становятся частью образа пространства [Кранзеева и др., 2020, с. 61]. В диалогах жителей проскальзывает кумулятивное понятие «свои люди», вероятно, как своеобразная оценка территориально-поселенческих сообществ, особенно небольшой численности: «...а я своих вспоминаю, у нас коллектив хороший был, дружные и хорошие, всегда помогали друг другу, всегда вспоминаю их». Ориентиры на «своих» показали и ответы на вопрос «Есть ли для вас образец жизни?»: «...у меня лично родители были трудолюбивые и нас воспитали, у нас шесть было детей, любовь к труду привили» [Там же, с. 62].

Очень показательна оценка справедливости сельскими жителями, один из ее оттенков – указание на «показную справедливость»: «Ну, вообще стараются к справедливости, конечно, идти... Больше на показуху. В отношениях к людям, мне кажется, сейчас очень много несправедливости. И никому мы не нужны простые люди». Шахтеры же из цитируемой работы острее воспринимают справедливость: «В основном показная справедливость, так бы я не сказал, что она такая уж справедливая»; «Так в общих чертах может и есть, а на самом деле, если глубоко копать, то вряд ли»; «В работе нету справедливости, это точно» [Там же, с. 63–64].

Цель данной статьи – описание фрагмента языковой картины мира, репрезентирующего ценностное представление о своей территории жителей Туруханского района Красноярского края. Исследование опирается на анализ оценочных высказываний жителей, полученных в ходе полевых работ в 2020–2021 гг.

Важный смысл для современных россиян – «советская жизнь» и «советская эпоха». Представители «третьего возраста» часто вспоминают о приемах организации и управления жизнью в период существования СССР.

«Активный» (работающий) социальный слой такие примеры использует избирательно, зачастую для сравнения и демонстрации изменившихся (меняющихся) ценностных приоритетов.

Молодежь, включая в риторiku «советское», демонстрирует уровень социализации, сопричастность с «большим прошлым». Использование примеров из жизни СССР в высказываниях молодых граждан доказывает мифологичность

для них советского общественного сознания, а кроме того, невозможность возвращения прежних социалистических (советских) значений и смыслов. Использование участниками исследования исторических примеров демонстрирует общую логику трансформации личностных и общественных приоритетов, использования механизмов социальной памяти.

Выявление ценностных представлений, характеризующих специфические черты того или иного языкового локального сознания, связано с опасностью «навязывания» менталитета исследователя в ходе самого исследования. Например, известная методика диагностики ценностных ориентаций Ш. Швартца, при всех ее достоинствах, опирается на «авторский» список номинаций ценностей, предъявляемых информантам, что уже есть способ влияния на адресата [Schwartz, 1992]. Поэтому лингвистический метод изучения ценностей адресата, опирающийся на изучение его оценочных высказываний, прозвучавших во время «свободного» по форме диалога между исследователями и информантами, как представляется, является более точным и аутентичным.

В качестве *методики исследования* был использован метод интервью с жителями Туруханского района. Задачей было выявить оценки, взгляды, суждения о месте и местах их родной территории, поэтому вопросы, хотя и касались разных сторон жизни жителей, были подчинены задаче экспликации ценностных суждений информантов.

Дополнительной составляющей данного подхода является организация аргументированного дискурса, позволяющего выявить причины тех или иных оценочных суждений с точки зрения интервьюируемых. Экспликация ценностей информантов посредством причинной семантики позволяет создать условия для репрезентации ценностной саморефлексии информанта.

На основании аксиологического анализа высказываний, посвященных описанию родных мест информантов, можно с уверенностью подтвердить мнение исследователя, что ценности «осмысливаются как диады с положительными и отрицательными полюсами» [Карасик, 2019, с. 5]. Материал, собранный в экспедициях, позволяет выделить две группы оценочных высказываний: высказывания с положительной оценочностью, в которых описываются любимые для авторов места, и высказывания с отрицательной оценочностью, включающие описания нелюбимых для говорящих мест. В данной статье предлагается анализ высказываний с положительной оценочностью.

Деревенский социум в большей степени, чем городской, ориентирован на восприятие своей родной территории как «места» для совершения каких-либо полезных, нужных действий. Большинство высказываний с положительной оценкой информантов характеризуют родные места с точки зрения «трудовой» ценности. Эта ценность, видимо, одна из важнейших для человека вообще, а для сельского жителя в особенности, проявляется в экспликациях оснований оценки территории.

1. Плодородное место.

Описание территории связано с оценкой плодородности земли, характеристики климата для выращивания урожая. Некоторые места жителями севера Красноярского края воспринимаются как необычные места внутри суровой территории, как оазис.

Авторы высказываний при описании места используют оценочные прилагательные, в семантике которых присутствуют компоненты 'изобилие' и 'богатство': **земля богатая** [с. Ворогово]; ...там для сельского хозяйства **очень роскошное место** [с. Ворогово] [Архив..., 2020–2021].

Семантика изобилия может передаваться с помощью специальных экспрессивных конструкций «*Какие...Р!*»: ...а **какая** в колхозе росла капуста...; а покосы **какие** там [Там же].

Для выражения позитивной оценки при описании плодородной территории используются бытийные предикаты в сочетании с кванторными выражениями, указывающими на большое количество: ...**всего полно / есть все** [с. Ворогово] [Там же].

Ситуация изобилия создается с помощью высказываний, эксплицирующие количественные характеристики: бытийные конструкции в сочетании с количественным наречием *полно*: **рыбы полно / ягоды полно**.

Посредством описанного типа высказываний говорящий оценивает реферируемое положение дел как выходящее за пределы нормального положения (см. об этом: [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 200–207]).

Необходимо отметить, что данный тип высказываний, по наблюдению автора, имеет модусный смысл 'приятное воспоминание о детстве и юности'. Для таких высказываний характерна «мечтательная» интонация, и говорящий и слушающий допускают возможность различных преувеличений.

2. Насыщенная жизнь в различных аспектах.

Многие жители Туруханского района описывают энергичное течение жизни во многих сферах, в первую очередь экономической и культурной, как важную часть их жизни в прошлом. В таких оценочных высказываниях часто присутствует противопоставленность положительно оцениваемой ситуации в прошлом и резко негативно оцениваемой настоящей ситуации: Родина / я родилась здесь // **был богатейший / интересный / плодотворный / развивающийся // сейчас не нужен никому / неперспективный** [п. Туруханск] [Там же].

В высказываниях с подобной семантикой также часто используются бытийные предикаты, необходимые для экспликации основания выражаемой оценки: – Что здесь было? что в совхозе делали? – При мне совхоз **был** / скотину держали / коров / телятники были / конюшня раньше **была** [п. Курейка] [Там же].

Бытийный предикат, как и в предыдущем типе высказываний (п. 1), часто используется в сочетании с кванторными словами в значении 'много', 'все': – Здесь хорошо было / **народу много было / все** работало [п. Курейка] [Там же].

При этом с помощью бытийных предикатов и кванторных слов может конструироваться контрастная антонимичность, позволяющая говорящему выстроить антитезу «хорошее прошлое / плохое настоящее»: Даа, **раньше** совхоз **был**, конечно, **большой** здесь промхоз, промхоз / ну **много было** организаций, а **щас** все, ниче **нет** / такого образующего ниче не строится / видите же, **ниче** нового такого **нету**, такого же... [с. Ярцево] [Архив..., 2020–2021].

Надо отметить, что информанты могут использовать бытийные предикаты в сочетании с оценочной лексикой в позитивных констатациях, не направленных на создание резкой противоположности различных временных срезов: **Раньше было лучше**, потому что **много молодежи было**. Но **сейчас есть новая школа** [п. Горошиха] [Там же].

3. Комфортность.

Как правило, ценность «комфортность жизни» жителями северной территории Красноярского края эксплицируется в высказываниях, посвященных таким темам, как «свой дом», «своя земля», «хорошо, удобно жить с детьми», «привычка»: **Свой дом / была квартира** // в Экспедиции [часть Туруханска]; **свобода для детей / приволье; Тут дети у меня взрослые** // пять внуков / школа / спортцентр «Аист» [п. Туруханск] [Там же].

Как видим, состояние комфорта описывается информантами бытийными конструкциями, при этом в основном используется настоящее время. Реже встречаются конструкции, выражающие собственно состояние субъекта: ...**мне комфортно** [п. Туруханск]; А когда у тебя семья, ты несешь за них ответственность и брать их куда-то везти, **увозить уже с насиженного места – не очень это комфортно** [п. Хатанга] [Там же].

В высказываниях часто присутствует скрытое или явное сравнение сельской местности с городом. Сравнения строятся по разным параметрам, и это, несомненно, позволяет прояснить, что входит в понятие комфортности для информантов.

Параметр «Эмоциональное состояние»: Туруханск для меня / **Ощущение дома / Нет суеты / Разделяем работу и отдых** // Природа / [здесь] **добрее люди** [п. Туруханск]; Самая главная причина – **люди здесь в зоне комфорта**. Несмотря на сложные климатические условия, на ценовую политику, все равно люди здесь находятся в такой зоне комфорта. Все равно, как бы там ни было, люди здесь **как-то приспособливаются, работают** на одной работе, на другой, время проходит, **ждут своего отпуска** [п. Хатанга] [Там же].

Параметр «Своя земля, свой огород», ср.: Мы привыкли здесь жить / я проснулась / **и каждое утро / там дача** // **я собрала все** // **живу на своем** // **не хожу в магазин** [п. Туруханск] [Там же].

Параметр «деревенская “воля”», ср.: ...рыба / птицы / зверь // асфальта нет [п. Туруханск].

4. Родовое место.

Ценность рода, родовых связей для сельских жителей Севера продолжает быть одной из самых важных. Место, связанное так или иначе с историей рода, семьи, имеет особый статус для информантов.

Оценочные высказывания данной семантики включают в себя какую-либо информацию о члене рода, т.е. о деде, бабушке, матери, отце: **здесь дед** рыбачил // как в 37 приехал / так и рыбачил / они с Игарки сюда приехали / в 48 уехали отсюда; что для вас Ермаки? притягивает / **и мама у меня тут / с 33 года** / [б. «Ермаки»]; **...отец у меня здесь** / потом армию отслужил **и опять приехал** [п. Старотуруханск]; Что для меня Туруханск // **Семья / мама / сестра / обе сестры** // работа / не могу никуда выехать // Я не поеду / я стала сентиментальная [п. Туруханск] [Архив..., 2020–2021].

Часто в высказываниях о родовом месте присутствует информация о том, кто здесь похоронен, и для говорящего это очень важно: В 1972 г. вышла замуж, в 1973, 1975, 1985 – дети. У мужа здесь **похоронены родители** [п. Курейка]; **Никуда не хочу уезжать. Здесь муж и сын похоронены.** Как я могу без Горошихи?! У нас тут все хорошее. Горошиха – незаменимая [п. Горошиха] [Там же].

В высказываниях данного семантического типа используются эмоциональные предикаты «нравится», «тянет»: ...а скажите, были мысли уехать отсюда? не / я уезжал / я на БАМе работал / в свое время / с первой женой жил / разошелся / развелся / приехал / **тянет на родину**; ...потом армию отслужил **и опять приехал / нравится мне здесь** // а что нравится? не знаю / **зов какой-то** / у меня есть возможности и в городе жить / **а вот сюда тянет** [п. Старотуруханск]; **Родина / я родилась здесь...** / **тянуло меня сюда всегда** [п. Туруханск] [Там же].

5. Свободное пространство, вольные просторы.

Эстетическая ценность места в восприятии жителей проявляется в оценочных высказываниях, посвященных описанию «вольным просторам». Авторами замечается, что в основном этот тип оценочных высказываний связан с описанием месторасположения дома. В высказывании присутствует субъект-наблюдатель, оценивающий наличие «свободы и простора» относительно дома: самое красивое место у меня / я чтобы дом построить / ходил два года искал / место подобрать / мне чтобы **взгляд никуда упора чтобы не было** [б. «Ермаки»]; **...мне за забором никого чтобы не было / ни соседа / никого / упора чтобы не было** [б. «Ермаки»] [Там же].

Красота месторасположения дома, ограды связана с понятием нормы и культурного кода локуса. Их нарушения могут поразить субъекта оценки: Емельяново не стало Родиной? нет / никогда и не станет / люди там другие / потому что Север / верите нет / я когда в 95 году поехал в Минусинск / родственники там / **когда я увидел двухметровые заборы / это был для меня шок / мне никто не верил / что у нас все штакетником** / замки никто никогда не закрывал / у многих ключей уже замков нет [п. Курейка] [Там же].

6. Место как возможность для созидательной деятельности.

Место оценивается с точки зрения субъекта-деятеля: а куда на Енисей здесь ходят, в какие места? я никуда не хожу / **здесь делается рыбная ловля** места так и называются / на Боганиде / районе Боганиды / это не речка / протока [с. Ворогово];

нравится мне здесь все / если построил все с нуля / ни тракторов / брус на себе таскал / на кобыле привозил / снегоходов не было ничего / развиваюсь / строюсь / вкладываюсь / в Красноярске бы баню доделать / да некогда [б. «Ермаки»]; ...ой я здесь охота / рыбалка / ягода вот сейчас начнется / хожу я по ягоды [п. Старотуруханск]; Да какие тут места. Тут только тайга, лес, ягоды. Далеко ходить не надо – на поляну вышел и вот ягоды [п. Горошиха]: У меня свое развлечение – я люблю рыбалку. Люблю приезжать на берег с удочкой и сидеть один в абсолютной тишине [п. Туруханск]. В высказываниях данного типа оценочность создается сочетанием предикатов эмоциональной и акциональной семантики.

Кроме того, описание «хороших» для деятельности человека мест часто включает в себя использование номинаций объектов, являющихся самой целью деятельности: место хорошее, можно **держат песцов, рыба хорошая и картошка** [п. Курейка]; Тут **охота и рыбалка. Соболь, песец**, но он бесценен [п. Горошиха].

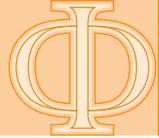
«Хорошие места» могут находиться далеко от дома, поэтому в высказываниях часто присутствуют глаголы движения: У нас там в речку **ездим**, в Исаковку. Да вы вот проезжали ее сюда, по той стороне Енисея. Там много вон там речек то много. Ну мы вот в нее **ездим, специально для нее...** Ты че, там **хариус** много, ты видела хариуса? **Ленок можно поймать**. Можно, если повезет, то мож **тайменя поймать**. Да смотря че. Ноо... Вот туда **за хариусом ездят**. Нынче сколько **ездили** летом только **харисков...** [п. Ярцево] [Архив..., 2020–2021].

В качестве *вывода*.

Север – это особое место. Это место трудно однозначно оценить. Сами информанты это хорошо осознают: что отличает жителей Туруханска / северян // **Сюда ехали личности** // Разве благополучный бросит тапочки и туалет // люди бросали все // в Новой Мангазее были стычки // у нас строители романтики // приезжают новенькие из Москвы / весь такой // услышал / что деньги платят на Севере // месяц выдержал / в отпуска ездю / у них другой менталитет // в тайге полгода посиди / это романтик может выдержать // [п. Туруханск] [Там же]. Жители поселений Енисейского Севера в своих сегодняшних высказываниях положительно оценивают советское прошлое. Важнее другое: место формирует ценность человека, и Север это и делает по отношению к своим адептам. Сами северяне говорят о воздействии места на ценностные ориентиры человека: Север **делает людей другими** // необходимо постоянное **сотрудничество** с другими // **это не красноярцы / сибиряки / северяне** / [п. Туруханск] [Там же].

Библиографический список

1. Архив проекта «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы»: рукописные, машинописные, электронные материалы. Красноярск, 2020–2021.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
3. Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 529 с.

4. Васильченко А.А. Репрезентация чувства страдания в лексиконе диалектной языковой личности сибирской крестьянки // Вестник Томского университета. 2021. № 462. Янв. С. 14–21.
5. Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Языки славянской культуры, 2006. 488 с.
6. Ивин А.А. Основы теории аргументации. М.: ВЛАДОС, 1997. 352 с.
7. Карасик В.И. Ценности как культурно значимые ориентиры поведения // Лингвокультурные ценности в языковом сознании и лингвокультурной практике: материалы международной научной конференции. Тяньцзинь: Тяньцзинский ун-т иностр. яз.; Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2019. С. 3–11.
8. Кранзеева Е.А., Головацкий Е.В., Орлова А.В., Бурмакина А.Л. Смыслы жизни в оценках и ожиданиях жителей региона (результаты фокус-групп в Кемеровской области) // Социологические исследования. 2020. № 11. С. 58–67.
9. Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
10. Окладникова Е.А., Воронцов А.В. Образы будущего села: мнение сельских предпринимателей Нечерноземья // Вестник СПбГУ. Социология. 2020. Т. 13, вып. 3. С. 292–313.
11. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М.: Наука, 1983. С. 227–284.
12. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.
13. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social Psychology. 1992. P. 1–65.

Сведения об авторе

Татьяна Витальевна Михайлова – кандидат филологических наук, доцент кафедр-ры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: ta.rada@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-98>

THE VALUES OF “PLACE” IN THE PERCEPTION OF THE INHABITANTS OF YENISEI SIBERIA

T.V. Mikhaylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The paper considers the value part of the perception of the place of residence by the residents of Yenisei Siberia. The material was recordings of oral speech of the Yenisei local consciousness carriers made during the expeditions of 2020-2021 in the middle and lower reaches of the Yenisei River. The author reveals the positive fullness of ideas about the Soviet past of the territory. The semantics of fertility, comfort, freedom, creation, connection with ancestral roots constitute a positive part of the axiospace of the Yenisei Siberia. The understanding by a resident of the territory of himself as bearing a positive assessment and obviously good is based on the semantics of the homogeneity of space and its inhabitant.

Keywords: *settlements of the Yenisei Siberia, assessment of space, parameters, values of place, good past, oral speech.*

References

1. Archive of the project “Studying the self-consciousness of the inhabitants of the territory in self-descriptions and reactions to verbal stimuli”: Handwritten, typewritten, electronic materials. Krasnoyarsk, 2020–2021.
2. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar). Moscow: “Languages of Russian culture”, 1997. 576 p.
3. Berezovich E.L. Russian toponymy in the ethnolinguistic aspect. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 2000. 529 p.
4. Vasilchenko A.A. Representation of the feeling of suffering in the lexicon of a dialect linguistic personality of a Siberian peasant woman // Bulletin of Tomsk University. 2021. No. 462. January. P. 14–21.
5. Zamyatin D.N. Culture and space. Modeling of geographical images. M.: Languages of Slavic culture, 2006. 488 p.
6. Ivin A.A. Fundamentals of argumentation theory. Moscow: VLADOS, 1997. 352 p.
7. Karasik V.I. Values as culturally significant guidelines of behavior // Linguocultural values in linguistic consciousness and linguocultural practice: materials of the international scientific conference. Tianjin, Tianjin University of Foreign Languages; Volgograd: PrinTerra-Design, 2019. P. 3–11.
8. Kranzeeva E.A., Golovatsky E.V., Orlova A.V., Burmakina A.L. The meaning of life in the assessments and expectations of residents of the region (results of focus groups in the Kemerovo region) // Sociological Research. 2020. No. 11. P. 58–67.
9. Krylov M.P. Regional identity in European Russia. Moscow: Novy Chronograph, 2010. 240 p.
10. Okladnikova E.A., Vorontsov A.V. Images of the future village: the opinion of rural entrepreneurs of the Non-Chernozem region // Bulletin of St. Petersburg State University. Sociology. 2020. Vol. 13, is. 3. P. 292–313.
11. Toporov V.N. Space and text // Text: semantics and structure. Moscow: Nauka, 1983. P. 227–284.

12. Yakovleva E.S. Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception). Moscow: Gnosis, 1994. 344 p.
13. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values theoretical advances and empirical tests in 20 countries // *Advances in experimental social Psychology*. 1992. P. 1–65.

About the author

Mikhaylova Tatiana Vitalyevna – Candidate of Philology, associate professor of the Public Relations Department, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology; e-mail: ta.rada@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-99>

УДК 811.161.1

СИБИРСКИЙ ПАРАДНЫЙ ОБЕД В СВЕТЕ ЯЗЫКА**Т.В. Тарасенко (Красноярск, Россия)****Аннотация**

Постановка проблемы. В статье рассматриваются традиции застольной культуры как одного из элемента культуры повседневности с позиции разных исследовательских направлений: культурологии, истории, этнографии, филологии и языкознания, а описание застолья носит междисциплинарный характер.

Цель лингвистического анализа – описать русский пищевой дискурс посредством анализа лексики торжественных обедов конца XIX начала – начала XX в. города Красноярска.

Методологию исследования составляют описательный метод, метод семантического анализа, методы лингвокультурологического и этнокультурного описания.

Материалом исследования являются тексты меню восьми парадных обедов Красноярска; более 100 лексических единиц названий блюд; тексты художественной литературы.

В результате исследование показало, что парадный стол в Сибири устраивался по столичным образцам, но имел и региональные особенности; выполнял трансляционную функцию и сохранял ключевые для гастрономической культуры сибирского города смыслы конца XIX начала – XX в.

Авторский вклад видится в том, что проанализированные тексты репрезентируют общую и частную национальную специфику функционирования гастрономического дискурса как кода повседневности в контексте русской картины мира. Результаты расширяют представление о еде как объекте исследования в лингвистике; могут быть использованы при исследовании и описании гастрономической культуры и пищевого дискурса; в учебных курсах лингвокультурологии.

Ключевые слова: *застолье, парадный стол, меню, закусочный стол, Красноярск, гастрономическая культура, пищевой дискурс.*

Последние двадцать лет тема «Еда (Пища)» и связанная с ней проблематика являются одной из актуальных для разных областей науки: истории, социологии, антропологии, психологии, культурологии, филологии.

Возрос интерес к повседневности, к темам, исследующим обыденный мир человека [Коды повседневности..., 2011; Невекловский, 2004].

Застолье как ритуал стоит в центре исследований этнографов и филологов, наибольшее количество публикаций традиционно посвящено питанию, как праздничному, так и повседневному. Например, социокультурная значимость застолий отмечается в культуре повседневности Древнего Рима. «Люди шли за общий стол не столько ради богов, сколько прежде всего ради забвения общественных антагонизмов, в поисках человеческой солидарности и взаимной приязни, которые они ассоциировали с легендарным “золотым” прошлым общины, которые нужны были им как воздух и которые они все реже находили

в неуклонно отчуждающемся огромном государстве, в раздираемой обостряющимися противоречиями римской повседневности. Еда и питье, благочестивая благодарность богам за их покровительство и человеческая солидарность составляли или обязательно должны были составлять в их идеализирующем сознании единство, имя которому было “сена” – совместная трапеза членов фамилии, общины, коллегии, кружка. Во время ежегодного праздника богов-покровителей участков, межей и перекрестков, так называемых сельских компиталий, в местах, где сходились границы нескольких владений, ставились столы, за которыми принимали пищу на равных рабы и хозяева, и сам этот праздник по первоначальному своему смыслу был праздником согласия между владельцами земли и их родами» [Кнабе, 1993, с. 306].

В Византии торжественные обеды сопровождали любое событие «от рождения ребенка в семье до избрания нового патриарха» [Поляковская, Чекалова, 1989, с. 200]; а на самих трапезах «кушанья были предметом застольных бесед и долгих обсуждений, как какие блюда готовить и в каком порядке подавать» [Там же, с. 76]. «Во время общественных праздников столы накрывали прямо на улицах и каждый ел сколько хотел» [Там же, с. 77].

Множество деталей повседневной жизни гурмана-парижанина конца XVIII – начала XIX в. можно найти на страницах «Альманах Гурмана» историка Александра Гримо де Ла Реньера: как в Париже готовили кушанья и что подавали на стол во время обеда или ужина, каково было расписание застолий, что такое «обед по-дружески», когда в гостях обед будет хуже, если бы гость остался обедать у себя дома и т.д. [Гримо, 2014].

О еде в Париже эпохи Реставрации и Июльской монархии рассказывает Вера Мильчина в книге, которая посвящена повседневной жизни парижан [Мильчина, 2013]. Житель французской столицы мог поесть в кафе и ресторанах, в частных домах, а простонародье – в кабаках, тавернах и на рынках. «В сфере питания, как и во всех прочих областях парижской жизни, главным законом было разнообразие: каждый мог найти себе еду соответственно своим вкусам и, главное, состоянию своего кошелька» [Там же, с. 434].

Повседневность и праздник – традиционная дихотомия, в которой первое понятие всегда воспринимается как *ежедневный, жизнь, обыденный, обыденность, образ жизни* [Чулкина, 2007, с. 131]; а второе понятие как уход от обыденности. Такова композиция монографии Г.И. Кабаковой «Русские традиции застолья гостеприимства», где рассматривается застолье в его повседневности и праздности как основная составляющая русского гостеприимства [Кабакова, 2016].

Изучению повседневности в языковом сознании носителя русского языка посвящено исследование Н.Л. Чулкиной, которая подробно описывает концептосферу повседневности в лингвокультурологическом аспекте, где *отдых, досуг, развлечения* (курсив Н.Л. Чулкиной) как отдельная группа входят в «базовые» концепты наряду с *домом (жилищем), семьей (домом) и работой, учебой* [Чулкина, 2007, с.128].

Основное внимание исследователей в основном направлено на повседневность. Серия «Живая история: Повседневная история человечества», выходящая в издательстве «Молодая гвардия» с 1995 г., призвана удовлетворить любого читателя: от повседневной жизни японцев до Льва Толстого и его в Ясной Поляне [Куланов, 2019; Никитина, 2007].

В издательстве «Новое литературное обозрение» выходит серия «Культура повседневности», в книгах которой описаны различные истории, например мороженого; там же вышел в свет пятитомник «История частной жизни» [История частной жизни, 2014].

Обратимся к определению. «Словом “повседневность” обозначается следующее: сама собой разумеющаяся реальность, фактичность; мир обыденной жизни, где люди рождаются и умирают, радуются и страдают; структуры анонимных практик, а также будничность в противоположность праздничности, экономия в противоположность трате, рутинность и традиционность в противоположность новаторству. Реальность повседневной жизни, характеризующаяся ощущением фактичности, самоданности и очевидности, выступает как признаваемый всеми порядок» [Марков, 2008, с. 8].

Согласно «Ассоциативному словарю русского языка», для респондентов на слово-стимул «обыденность» реакциями являются слова «жизни, скука, серость, повседневность» [Русский ассоциативный словарь, 2002, с. 395], а на слово «быт» – «дом, домашний, кухня, жизнь, нравы, повседневный, серый, тяжелый, ужас» [Там же, с. 73].

«Русский семантический словарь» определяет повседневность как «жизнь в ее каждодневном проявлении, будничном существовании» [РСС, 2003, с. 479]; а праздник – это «радостное событие, торжество по поводу чего-н.» [Там же, с. 19]. Сибирский парадный обед, как будет показано ниже, устраивался в честь какого-либо события, например визита в Красноярск цесаревича Николая Александровича.

История вопроса. Обращение к праздничной культуре, которая противопоставляется повседневной, показывает, что исследования последней носят междисциплинарный характер, методологический аппарат включает разнообразные концепции, подходы и методы (статистические и динамические). Традиция изучения повседневности отдельными научными дисциплинами обширна и давняя: само понятие (*Alltäglichkeit*) пришло в научный контекст из социологии [Кошман, 2011].

Показателем интереса исследователей может служить желание осмыслить повседневность как явление, дать определение, что вызывает трудность: «размыто само определение “повседневности”, несмотря на усилия историков очертить круг изучаемых явлений. При всей родственности с классической этнологической историей быта исследование повседневности должно включать и воссоздание эмоциональной, поведенческой и ментальной составляющих. Вместе с тем история повседневности внимательно относится к случайному, единичному, казуальному, но старается вписать его в более широкий контекст. Не отказываясь от интереса к событийному уровню истории, история культуры

повседневности сосредоточивается на анализе устойчивых и повторяющихся форм действий. Столь естественный, эмпирически понятный термин ускользает от точного применения» [Кошман, 2011].

Новое понимание культуры как способа определенного сообщества, сформулированное одним из основателей научного направления Реймондом Уильямсом в университете Бирмингема, где был создан в 1964 г. Центр современных культурных исследований (Center for Contemporary Cultural Studies), «расширило и круг объектов исследования, и диапазон применяемых методов. С этого момента и началось активное освоение культуры повседневности, уравненной в правах с другими типами культуры» [Капкан, 2016, с. 23].

Как мы уже отмечали выше, повседневность, ее хронотоп противопоставляются праздничному времени. «Праздник меняет распорядок дня, предполагает выполнение специфических действий, да и эмоционально переживается совершенно иначе, нежели будний день. С другой стороны, в последние десятилетия все чаще говорят об оповседневивании праздника, его десакрализации. Действительно, наряду с праздниками, разрывающими круг повседневности (Новый год, Рождество, Пасха, День благодарения), в современной культуре существует немало поводов для празднования, которые в лучшем случае воспринимаются как внеочередной выходной день, а то и просто как фон для рутинной деятельности. Соответственно, на вопрос о принадлежности или оппозиционности праздника повседневному времени невозможно ответить однозначно. Следует различать праздник как личностно окрашенное ритуализированное действие и праздник как событие официального календаря, не меняющее обычный распорядок дня и не вызывающее эмоционального переживания. В первом случае мы имеем дело с праздником как оппозицией повседневности, во втором – с рутинизированным празднованием, ставшим частью времени повседневности» [Капкан, 2016, с. 39–40].

Частью праздника, как правило, является торжественный обед. И здесь исследователи культуры повседневности говорят о двух основных направлениях – *food studies* (пищевой код культуры) и *foodways* (гастрономическая культура).

Food studies рассматривает еду как текст, эта точка зрения представлена в работах антрополога К. Леви-Стросса. По мнению исследователя, отдельный вкус приобретает символический смысл только в сочетании с другими и в определенной ситуации, так же как и способность означать те или иные культурные идеи и ценности [Леви-Стросс, 2001, с. 92–93].

Французский семиотик Ролан Барт уподобил язык пищи вербальному языку и выделил в нем следующие элементы: 1) правила ограничения (пищевые табу); 2) совокупность значащих оппозиций, в которых находятся единицы языка типа *соленый/сладкий*; 3) правила сочетания, предполагающие либо одновременность (на уровне блюда), либо последовательность (на уровне меню); 4) привычные способы приема пищи (*риторика питания*) [Барт, 1975, с. 123]. Так, правила сочетания определяют последовательность подачи блюд, а в риторике питания подчеркивается знаковость пищи как социокультурного элемента,

например, зажаренный гусь является в русской культуре символом Рождества, так же как и фаршированная индейка с клюквенным сиропом – символ Дня благодарения (Thanksgiving Day) в США.

Эти элементы, как и языковые единицы, одинаковы для всех носителей культуры, но по-разному реализуются в индивидуальной практике. Это соотношение кулинарных «языка» и «речи» может быть проиллюстрировано на примере меню (семьи или ресторана). Любое меню как аналог языка опирается на традицию: национальную, региональную или социальную, но реализуется по-разному и зависит от различных факторов: например, времени года, финансовых возможностей и т.п., т.е. приобретает свойства речи. Идеи Р. Барта о роли пищевых символов в культуре поддержали в своих исследованиях историки и антропологи [Food in Russian History and Culture, 1997].

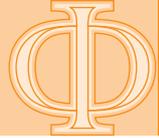
Foodways – это сочетание кулинарной культуры, культуры принятия пищи и гастрономической рефлексии. Как отмечает М.В. Капкан, «гастрономическая культура описывает не столько семантику пищи, сколько еду как нормативно-ценностную систему, выраженную в различных формах» [Капкан, 2016, с. 88]. Она выполняет функции самоидентификации, интеграции, трансляционную и коммуникативную.

Праздничное застолье связано в первую очередь с трансляционной функцией, т.к., с одной стороны, воспроизводит первообразцы, а с другой – сохраняет ключевые для данной культуры смыслы. Например, салат оливье на новогоднем столе отсылает к советской праздничной традиции и сам является символом Нового года.

Другой взгляд на торжественный обед представлен в работе Г.И. Кабаковой, в которой русское гостеприимство исследуется как культурный стереотип, прочно укоренный и в русской культуре, и за рубежом. На основе разнообразных материалов: этнографических описаний, дневников путешественников, мемуаров, фольклорных текстов – застолье представлено как ежедневно повторяющийся ритуал, а праздничный обед включен в более обширный ритуальный комплекс. Описаны организация стола и меню, речевое поведение участников застолья [Кабакова, 2016].

Анализ описанных блюд и напитков в русской литературе конца XVIII – начала XX в. представлен в работе В.В. Похлебкина, известного историка и исследователя пищевого дискурса. Например, описывая «кулинарный антураж» в романе «Евгений Онегин», ученый отмечает, что «здесь представлен весь современный автору репертуар кушаний и напитков, в котором он разбирается не как дилетант-потребитель, а как знаток» [Похлебкин, 1993, с. 101].

Советская повседневность, в том числе гастрономическая культура и пищевые привычки, описаны в книге Наталии Лебиной «Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю». В главе «Культура еды и насыщения: дисциплинирующие функции» показан «процесс формирования особого “советского вкуса” как важной составляющей культуры повседневности в целом» [Лебина, 2018, с. 17].

Советский и постсоветский дискурс о еде и его исследования представлены в коллективной монографии «Еда по-русски в зеркале языка», материалом анализа стали рекламные тексты, городские вывески, тексты печатных СМИ, повседневная разговорная речь [Еда по-русски в зеркале языка, 2013].

Методы и методология исследования. Материалом для рассуждений ниже стали тексты меню восьми парадных обедов Красноярска, опубликованные в книге И.В. Шеина «Сибирский парадный стол. XIX – начала XX в.» [Шеин, 2013].

Задача исследования – описать русский пищевой дискурс посредством анализа лексики (более 100 лексических единиц) торжественных обедов начала XX в. Красноярска. Поэтому решение данной задачи предполагает выход за рамки собственно лингвистической проблематики и обращение к лингвокультурологическим и этнокультурным аспектам.

Как отмечают исследователи, «для русской культурной традиции характерно разграничение материально-телесной и духовной сфер бытия с признанием приоритета последней. В обыденном сознании ориентация личности на сферу физического потребления нередко воспринимается как символ бездуховности» [Еда по-русски в зеркале языка, 2013, с. 11]. Исследовательский интерес к быту и повседневной жизни проявил Ю.М. Лотман, что отразилось в его работах, позже объединенных в главу «Семиотика бытового поведения» [Лотман, 2002].

Непосредственно гастрономические привычки русских аристократов были проанализированы в книге «Великосветские обеды: Панорама столичной жизни» [Лотман, 1996]. Объектами для анализа стали обеды семьи обер-шталмейстера императорского двора П.Д. Дурново с осени 1857 до весны 1858 г., тексты меню обедов, петербургские письма Дурново-младшего, выдержки из парижского дневника Дурново-старшего и текущая хроника газет и журналов Петербурга.

В последние годы интерес к гастрономическому дискурсу возрос, что показывает обращение к языковому аспекту исследований данной проблематики (см.: например, работы [Устьянцева¹, 2018; Филиппова², 2004; Савельева³, 2006]).

Сибирский парадный обед в свете языка. Традиция устраивать торжественные обеды, как сказано выше, была уже в Древнем Риме и Византии, корни ее уходят в ритуалы архаичных обществ. «Еда – это самое древнее в людях, и даже то, что многое в этих процессах объединяет нас с животными, до сих пор не вызывает в нас любопытства» [Канетти, 1997, с. 220].

¹ Устьянцева Е.В. Интегративное описание слова-образа «ХЛЕБ»: лингвокультурологический и лексикографический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2019. 26 с.

² Филиппова Е.В. Семантическая изотопия «еда» в художественном тексте (на материале малой прозы 60–70-х годов XX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь: Ставропольский гос. ун-т, 2004. 24 с.

³ Савельева О.Г. Концепт «еда» как фрагмент языковой картины мира: лексико-семантический и когнитивно-прагматический аспекты: На материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. 24 с.

Этнографы проводят параллели между становлением социальности и истории застолья. «Эволюция застолья сохраняет следы трансформации человека от природы к культуре, в границах которой происходит обуздание природных влечений. В этом случае тема застолья является важной темой истории общества, человека» [Хренов, 2008, с. 281].

У славян, как и у многих народов, был обычай встречать гостей хлебом-солью. «На Руси, во многих отдаленных от торговых путей деревнях, принимают странников с благоговейным уважением; ибо, по народному поверью, Бог посылает за это урожай; брать с проезжих и путников деньги за обед или ужин признается там за грех: кто поступает вопреки этому мнению, у того не будет спорыньи в доме. Доселе почетных и дорогих гостей встречают с хлебом-солью, и в народе существует убеждение, что странник, вкусивший нашего хлеба-соли, уже не может питать к ним неприязненных чувств, становится как бы родственным нам человеком: “хлеб-соль не бранится”, “хлеб-соль не попустит на зло!”. Верят, что вместе со странником является сам Господь испытывать людское милосердие» [Афанасьев, 1994, с. 64].

Парадные обеды в Сибири условно можно разделить на три группы: 1) официальные мероприятия, например торжественный обед в честь цесаревича Николая Александровича, данный 1 июля 1891 г. в городском саду; 2) парадный обед, организованный различными обществами: обед, состоявшийся по окончании заседания Первого съезда золотопромышленников Южно-Енисейского округа (7 декабря 1897 г. в Красноярске); 3) обед, устраиваемый богатыми людьми, например обед в честь Я.Д. и Н.П. Бологовских по случаю их отъезда 31 июля 1913 г.

Стоит отметить и тот факт, что в Красноярске анализируемого периода не было стабильной прослойки дворянства, поэтому на первое место в городе выходило чиновничество, которое занимало статус «социальных лидеров». Свой вклад в светскую жизнь города вносили и купцы-золотопромышленники. Так, например, описывается в местных хрониках свадебный банкет: «На Зотовской свадьбе выпили все шампанское и с эстафетой выписывали из Томска. С радости напоили не только мужчин, но и дам, кто не пил, тому лили на голову, а на другой день хозяева рассылали с посланцами подарки гостям, у которых было попорчено платье. Поили шампанским прислугу, а потом и лошадей» [Кытманов, 1893, с. 269].

Образцом торжественного обеда для провинциального общества были столичные обеды – Москвы и Санкт-Петербурга, меню императорского стола конца XIX в. были в коллекции известного красноярского библиофила Г.В. Юдина [Шейн, 2013, с.76, 100] и воспринимались как эталонные. Меню парадного обеда включало от 6 до 12 блюд и предполагало четыре перемены: 1) закуски, не повторяющие позиции закусочного стола; первое горячее блюдо и супы; 2) горячие блюда из рыбы, мяса и дичи; 3) салаты и овощные блюда; 4) десерт.

Структура русского застолья при царском дворе и в аристократических кругах XVIII – начала XIX в. подробно описана в работе Г.И. Кабаковой. Как правило, перед обедом или ужином гостей встречает закусочный стол. «Прежде

чем гости сядут за стол, их проводят в угол столовой или в соседнюю залу, где им подносят знаменитые закуски: соленья, ветчину, сыры, рыбу, икру, а также вина и крепкие напитки вроде водки, коньяка, тминной настойки. Причем само слово “закуски” вскоре проникло во французский язык. Как рассказывает Кларк, те иностранцы, что незнакомы с русским этикетом, набрасываются на угощение, и в результате садятся за стол “уже в хорошем виде”» [Кабакова, 2016, с. 35]. И далее. «Самые восторженные посетители воспринимают русский прием как хорошо отрепетированный концерт. Прием начинается с “введения в обед” или “подготовительного полдника”, отделенного от главной части банкета во времени и пространстве. И десерт тоже подается в конце приема в другом помещении. Сопровождаемый крепкими напитками, он должен способствовать пищеварению» [Там же, с. 36].

Закусочный стол как самостоятельное явление сложился в XVIII в. и сохраняется до начала XX в. Он стоял в отдалении от основного, обеденного; за него не садились, к нему подходили [Шеин, 2013, с. 23]. Например: «В большой столовой с немецкими олеографиями и запахом герани и лака стояли два стола: один большой для обеда, другой поменьше – закусочный» (А.П. Чехов. Учитель). Или: «Посреди залы – огромный круглый стол, к нему придвинут поменьше – четырехугольный, специальный для “винной батареи”...<...> Угощал хозяин всякими закусками: край богатый, сытный, и денег у купца невпроворот. Нельмовые пупы жирнущие, вяленое, отжатое в сливках мясо, оленье языки, сохатинные разварные губы, а потом всякие кандибоберы заморские и русские, всякие вина – английских, американских, японских погребов» (В. Шишков. Угрюм-река).

В ресторане закуски располагались на большом столе – буфете, к которому гости подходили перед трапезой. «Мужчины вышли в столовую подошли к столу с закуской, установленному шесть сортами водок и столькими же сортами сыров с серебряными лопаточками и без лопаточек, икрами, селедками, консервами разных сортов и тарелками с ломтиками французского хлеба» (Л. Толстой. Анна Каренина).

В рассказе «Около женщин» русского писателя Владимира Тихонова, опубликованного в журнале «Русская мысль» (1898), есть следующее описание обеда: «В столовой было накрыто два стола: один огромный, обеденный, другой, почти таких же размеров, сплошь заставленный закусками. <...> Гости обступили закусочный стол, и рюмки наполнились водками всех цветов и ароматов. Тут были и разные горькие, и желудочные, и полыновки, и тминные, и мятные, и рябиновые, и “адмиральский час”, и даже какая-то неведомая никому “сибирская граница”. Закуски были еще разнообразнее, начиная от темно-зеленых, почти черных, борových рыжиков и кончая жареными остсидскими устрицами, жареными по особому способу и под наблюдением самого Платона Ильича Козарского. – Ну, закусывайте же, закусывайте, господа! – продолжал хлопотать мой земляк-амфитрион. – Вот черноморские мидии, вот осетринка – по-кавказски... Симбирского гусяного полотка попробуйте... А икры

из баклажанов, господа! – предлагал хозяин. Все закуски были превосходны, но пальма первенства была единогласно присуждена жареным устрицам, которые тут же были прозваны “устрицы á la Kosarsky” (В. Тихонов. Около женщин).

Основные закуски: соленья, ветчина, сыры, рыба, икра, а также вина и крепкие напитки (водка, коньяк, настойки). В.В. Похлебкин выделяет три типа закусок: мясные, рыбные и овощные [Похлебкин, 1995, с. 239–240].

Сейчас можно сказать об изменении семантики слова «закуска». В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля одно из значений глагола *закусить* – «заедать, съедать ломтик после рюмки вина, завтракать, поесть немного до обеда. *Господа закусывают, они завтракают*; *закуска* – в высшем обществе, завтрак до обеда, водка с соленой и др. снедью; иногда ранний обед; в народе же более уптрб. мн. *закуски*: десерт, заедка, верховытка, лакомства, сласти, пряники» [Даль, 1998, с. 1483].

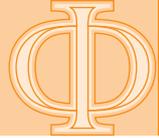
По мнению И.В. Шеина, с XVII в. слово «закуска» употреблялось с предлогом «для + родительный падеж»: хлеб для закуски соленого сала, пирог для закуски супа и т.д.; была синонимом слова «завтрак», на который подавали блюда холодными, оставшиеся со вчерашнего обеда [Шеин, 2013, с. 23]. К XVIII в. закуской стали называть все холодные блюда русского стола, поменялось и управление: «к / на + винительный падеж».

В анализируемых текстах меню лишь в двух специально выделены разделы первой перемены: «Закуски»; «Разные водки, холодные и горячие закуски». В меню ужина 31 декабря 1912 г. в Общественном Собрании Красноярска слова «закуски» вообще нет, эту позицию занимают «салат омар соус провансаль» и «строганов из осетрины с белыми грибами», которые подавались теплыми, поэтому их можно отнести к горячим закускам. Предположим, что специально закуски не были представлены в меню, т.к. участники обедов знали о них априори.

В отличие от закусок, названия супов представлены в семи меню (ниже даны в оригинальном написании): 1) супь-пюре изъ перепеловъ, супь-консومه, прантаньеръ; 2) супь съ Кнелью съ кореньями, пирошки; 3) супь шессер, пирошки 3-хъ сортовъ; 4) консоме съ гренками и пирожками; 5) потажъ кремь д' асперажъ (супь-пюре из спаржи), пирошки разные; 6) супь жюльень; 7) бульонъ с пирожками.

Остановимся на некоторых названиях.

Суп-консومه, прантаньер: консоме (фр. *Consommé*) – крепкий прозрачный бульон; прантаньер (от фр. *Printanier* – весенний). По нашему мнению, составитель меню допустил ошибку в написании слова, т.к. в кулинарных книгах представлен вариант *прентаньер*. Например, в книге рецептов 1902 г.: *Супъ жардиньеръ или прентаньеръ. Potage à la jardiniere. Potage printanier nouveau. Очистить молодую морковь, самый мелкий молодой картофель, горошекъ, сварить въ кипятокъ до готовности* (П.М. Зеленко. Поварское искусство). Или в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»: «А в июле, когда вся семья на даче, а вас неотложные литературные дела держат в городе, – на веранде, в тени вьющегося винограда, в золотом пятне на чистойшей скатерти тарелочка *супа-прентаньер?*».

Суп с кнелью и кореньями. Кнель (от фр. Quenelle) – шарики из мяса, птицы и рыбы; отличаются от фрикаделек более жидким взбитым фаршем со сливками и яйцом [Ратушный, 2016, с. 179]. В настоящее время слово «кнели» чаще употребляется во множественном числе [Крысин, 2005, с. 364].

Суп шессер (от фр. Potage chasseur – охотничий суп), готовился из мяса птицы и дичи. В «Альманахе гастрономов» И.М. Радецкого есть два рецепта данного супа: *Супъ охотничій а ля Корсуазъ. Potage chasseur a la Corsoise* (Потажъ шассеръ а ля Корсуазъ) и *супъ охотничій Альфіери. Potage chasseur Alfieri* (Потажъ шассеръ Альфьери) [Радецкий, 1877, с. 289, 291].

Вторая перемена за парадным столом – это горячие блюда из рыбы, мяса и дичи. Всего в меню представлено 25 названий блюд.

В четырех меню есть слово «жаркое» с указанием конкретного вида мяса (птица или говядина): 1) жаркое: индѣйки и цыплята; 2) жаркое – розбифъ; 3) жаркое – цыплята, дичь, салатъ; 4) жаркое куропатки, индейки. В трех упоминается способ приготовления птицы, например: 1) жареное: индѣйка, рябчикъ, куропатка, салатъ; 2) жареное рябчики; 3) жареные рябчики, утки, чирки.

Блюда из мяса птицы: соте изъ рябчиковъ; рябчики имперіаль на шампанскомъ; цыплята подъ бѣлымъ соусомъ; котлеты де-воляйлъ фаршированные.

Из говядины: Ростбивъ изъ филея по Суворовски; тюрбо изъ телятины «Бордолезъ»; Филе шпигованное трюфелями; Филей шиполатъ.

Тюрбо из телятины «Бордолез». *Turbot* (фр.) – это относительно крупный вид камбал семейства Scophthalmidae. Составитель меню допустил ошибку, написав *turbot* вместо *turban* (фр.), что обозначало специальную форму – толстое кольцо с пустым пространством в центре, в которое укладывается тонко обжаренное нарезанное филе телятины с зеленью, после запекания туда другим слоем добавляется гарнир (картофель, фасоль и др.), заливается красным вином и снова запекается.

Филей шиполат. Название блюдо получило от фр. *Garni en chipolata*, гарнир с тонкими свиными колбасками.

Почти в каждом меню есть блюда из рыбы: таймень подъ майонезомъ; судакъ провансаль; стерлядь соусъ «Пиканъ»; таймень ценный; нельма эстуфать, соусъ паровой, соусъ томатъ; стерлядь разварная, соусъ паровой и томатъ.

Прокомментируем некоторые из них. Обращает внимание, что в меню представлена речная рыба региона: нельма, таймень, стерлядь, что не исключало на столе и судака. Об особой любви сибиряков к местной рыбе пишет краевед Галина Райхерт [Райхерт, 2019].

Теперь о майонезе (фр. Mayonnaise), это слово имеет два значения: 1) холодная закуска из отварной рыбы или птицы, залитой загущенным бульоном, в котором варили мясо или рыбу, с пряностями, пряными отварными и маринованными овощами. После выдерживался 4–8 часов в холодном месте; и 2) соус из взбитых яичных желтков, лимонного сока и растительного масла [Похлебкин, 1996, с. 226]. Так как блюдо подавалось во второй перемене, то здесь

упоминается майонез как соус. По мнению И. Шеина, в рецептуре приготовления *судака провансаль* под соусом подразумевался *майонез* [Шеин, 2013, с.187].

Нельма эстуфат (ит. *stufato* – тушеная рыба), тушеная рыба под томатным соусом. В данном случае подчеркивается статус любимой у сибиряков рыбы, которая в красноярском ресторане «Метрополь» подавалась в 1,5 раза чаще, чем стерлядь, и в два раза чаще, чем осетр [Там же, с. 250].

Третья перемена предлагала посетителям овощные блюда, в текстах меню гипероним *Зелень* встречается в четыре случаях: два раза как *Зелень разная*; два раза с уточнением: *Зелень – цветная капуста, горошек*; *Зелень: Валовань из спаржи с зелеными бобами*. В двух текстах упоминается *Салат и огурцы свежые. Спаржа; Салат, огурцы*. Стоит заметить, что зелень присутствовала в меню круглогодично.

Десертное меню: 1) Пудинг дипломат, поанглиски; Парфэ земляничное; 2) Пломбирь. Фрукты; 3) Пломбирь; 4) Порьфе; 5) Моседуань из фрукт кронь-принц; Парже и крем де-ваниль гляссе.

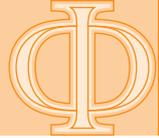
Парфе (от фр. *Parfait*) в текстах анализируемых меню в каждом случае написано по-разному: парфэ/порьфе/парже. Как блюдо представляет собой взбитые сливки с добавлением ванили, сезонных ягод и вина марсалы [Похлебкин, 1996, с. 315].

Моседуан из фруктов (от фр. *Macedoine* – по-македонски, всякая всячина, пестрота) представляет собой салат из сезонных фруктов и ягод, которые обычно подавали к мороженому. Фрукты могли и желироваться [Похлебкин, 1996, с. 235].

Дополнением к десерту выступали чай, кофе и ликеры, названия которых специально в меню не указывались.

Выводы. Парадный стол в Сибири равнялся на столичные традиции, но в то же время имел и региональные особенности, что отражается в названиях горячих блюд, где встречаются названия местной дичи и рыбы рек Сибири. Выполняет трансляционную функцию, с одной стороны, воспроизводит первообразцы, а с другой – сохраняет ключевые для данной культуры смыслы.

Анализ текстов меню торжественных обедов показал, что: 1) традиции в перемене блюд сохранялись; 2) текст меню включал не более 6 блюд; 3) названия блюд отражают моду на французскую кухню, но передаются в кириллице, без перевода, что может означать об их знании публикой; 3) в названиях первых блюд в большинстве случаев есть указание что это «суп»; 4) в Красноярске повара стремились адаптировать рецепты приготовления к местным условиям и продуктам, часто оставляя от блюда только французское название, например: *нельма эстуфат* (тушеная рыба под томатных соусом); 5) в рыбных блюдах чаще всего указываются названия рыб Сибири: таймень и нельма; 6) так как тексты составлялись разными людьми, то написание одних и тех же блюд различаются: *ростбив – розбиф; филе – филей; парфэ/порьфе/парже; пирожки – пирошки*. Различное написание в словах и ошибки во французских названиях могут быть связаны и с невысоким уровнем знания языка составителей меню.

В настоящее время сочетание «закусочный стол» и «парадный обед» вышли из употребления; «закусочный стол» употребляется только в профессиональной среде, слово «фуршет» лишь отчасти совпадает с его семантикой; «парадный обед» заменило словосочетание «торжественный / праздничный обед» или слово «банкет».

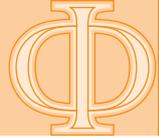
Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М.: Индрик, 1994. Т. 2. 784 с.
2. Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 114–163.
3. Гримо де Ла Реньер А. Альманах Гурмана. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998. Т. 1: А–З. 912 с.
5. Еда по-русски в зеркале языка / Н.Н. Розанова, М.В. Китайгородская, У. Долешаль, Д. Вайс и др. М.: РГГУ, РАН. Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова, 2013. 586 с.
6. История частной жизни: в 5 т. / под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М.: Новое литературное обозрение, 2014. Т. 1. 800 с.
7. Кабакова Г.И. Русские традиции застолья и гостеприимства. М.: ФОРУМ: НЕОЛИТ, 2016. 464 с.
8. Канетти Э. Масса и власть. М.: Ad Marginem, 1997. 528 с.
9. Капкан М.В. Культура повседневности. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.
10. Кнабе Г.С. Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного Рима. М.: Индрик, 1993. 527 с.
11. Коды повседневности в славянской культуре: еда и одежда / отв. ред. Н.В. Злыднева. СПб.: Алетейя, 2011. 560 с.
12. Кошман Л.В. Культура повседневности. Фонд знаний «Ломоносов», 2011. URL: <http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134587> (дата обращения: 10.05.18).
13. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2005. 944 с.
14. Куланов А.Е. Повседневная жизнь японцев. М.: Молодая гвардия, 2019. 320 с.
15. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии (1594–1893 гг.) // Красноярский краевой краеведческий музей. О/ф. 7886.229.
16. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
17. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
18. Лотман Ю.М., Погосян Е.А. Великосветские обеды: Панорама столичной жизни. СПб.: Пушкинский фонд, 1996. 320 с.
19. Лотман Ю.М. Семиотика бытового поведения // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство – СПб, 2002. С. 222–340.
20. Марков Б.В. Культура повседневности. СПб.: ПИТЕР, 2008. 352 с.
21. Мильчина В.А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.
22. Невекловский Г. Домашний быт боснийских мусульман: жилище, посуда и пища // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 430–438.
23. Никитина Н.А. Повседневная жизнь Льва Толстого в Ясной Поляне. М.: Молодая гвардия, 2007. 395 с.
24. Поляковская М.А., Чекалова А.А. Византия: быт и нравы. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 304 с.

25. Похлебкин В.В. Кулинарный словарь. М.: Центрополиграф, 1996. 503 с.
26. Похлебкин В.В. Кушать подано! Репертуар кушаний и напитков в русской классической литературе. М.: Издательство Артист. Режиссер. Театр, 1993. 409 с.
27. Похлебкин В.В. Чай и водка в истории России. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во; Новосибирск: Новосиб. кн. изд-во, 1995. 464 с.
28. Радецкий И.М. Альманах гастрономов. Спб.; М.: Изд-во М.О. Вольфа, 1877. 300 с.
29. Райхерт Г.С. Сказание о еде сибирской. Опыт гастрономического краеведения. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2019. 590 с.
30. Ратушный А.С. Кнели // Все о еде от А до Я: Энциклопедия. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2016. 440 с.
31. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов и др. М.: АСТ-Астрель, 2002. Т. 1.
32. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Н.Ю. Шведова и др.; под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3. 614 с. (РСС).
33. Хренов Н.А. Застолье в контексте ритуала // Традиционное русское застолье: сб. ст. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008. С. 272–292.
34. Чулкина Н.Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: Лингвокультурологическое описание. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
35. Шеин И.В. Сибирский парадный стол. XIX – начала XX в. Красноярск: Ситалл, 2013. 329 с.
36. Food in Russian History and Culture / Ed. Musya Giants and Joyce Toomre. Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies. Bloomington: Indiana Indiana University Press, 1997. 250 p.

Сведения об авторе

Татьяна Васильевна Тарасенко – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: tvt2004@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-99>

SIBERIAN CEREMONIAL DINNER IN THE LIGHT OF LANGUAGE

T.V. Tarasenko (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article examines the traditions of feasting culture as one of the elements of everyday life culture from the standpoint of different research areas: Cultural Studies, History, Ethnography, Philology and Linguistics, – and the description of the feast itself is interdisciplinary.

The purpose of the article is to describe the Russian food discourse by analyzing the vocabulary of ceremonial dinners of the late 19th and early 20th centuries at the city of Krasnoyarsk.

Methodology (materials and methods). The research methodology consists of a descriptive method, a method of semantic analysis, methods of linguoculturological and ethnocultural description.

The materials of the research are the texts of the menu of eight ceremonial dinners in Krasnoyarsk; more than 100 lexical units of dish names; fiction texts.

As a result, the study demonstrated that the ceremonial table in Siberia was arranged according to the metropolitan models, but also had the regional characteristics; performed a translational function and preserved the meanings of the late 19th and early 20th centuries, which are key for the gastronomic culture of the Siberian city.

Research results. The author's contribution is seen in the fact that the analyzed texts represent the general and particular national specifics of the gastronomic discourse functioning as a code of everyday life in the context of the Russian picture of the world. The results expand the understanding of food as an object of research in linguistics; can be used in the study and description of gastronomic culture and food discourse; in the training courses in Cultural Linguistics.

Keywords: *feast, ceremonial table, menu, snack table, Krasnoyarsk, gastronomic culture, food discourse.*

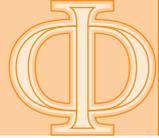
References

1. Afanas'ev A.N. Poetic views of the Slavs on nature: in 3 vol. M.: Indrik, 1994. Vol. 2. 784 p.
2. Bart R. Foundations of semiology. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"*. M.: Progress, 1975. P. 114–163.
3. Grimo de La Ren'er A. *Gourmet Almanac*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 640 p.
4. Dal V.I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*: in 4 vol. / Ed. prof. I.A. Boduehna de Kurteneh. M.: TERRA-Knizhnyi klub, 1998. Vol. 1: A–Z. 912 p.
5. *Russian food in the mirror of the language* / N.N. Rozanova, M.V. Kitaigorodskaya, U. Doleshal, D. Vais et al. M.: RGGU, RAN. In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, 2013. 586 p.
6. *Private history*: ed. F. Aries and J. Duby: in 5 vol. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. Vol. 1. 800 p.
7. Kabakova G.I. *Russian traditions of feast and hospitality*. M.: FORUM: NEOLIT, 2016. 464 p.
8. Kanetti E.H. *Mass and power*. M.: Ad Marginem, 1997. 528 p.
9. Kapkan M.V. *The culture of everyday life*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2016. 110 p.
10. Knabe G.S. *Materials for lectures on the general theory of culture and culture of ancient Rome*. M.: Indrik, 1993. 527 p.
11. *Codes of everyday life in Slavic culture: food and clothing* / Ed. N.V. Zlydneva. St. Peterburg: Aleteiya, 2011. 560 p.

12. Koshman L.V. The culture of everyday life / Fond znanii “omonosov”, 2011. URL: [http:// www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134587](http://www.lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia:0134587) (access date: 10.05.18).
13. Krysin L.P. Explanatory dictionary of foreign words. M.: Ehksmo, 2005. 944 p.
14. Kulanov A.E. Japanese daily life. M.: Molodaya gvardiya, 2019. 320 p.
15. Kytmanov A.I. Brief chronicle of the Yenisei district and Turukhansk region of the Yenisei province (1594–1893) // Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore. O/f. 7886.229.
16. Leбина N. Soviet everyday life: norms and anomalies. From War Communism to Big Style. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 488 p.
17. Levi-Stross K. Structural anthropology. M.: EKSMO-Press, 2001. 512 p.
18. Lotman YU.M., Pogosyan E.A. Aristocratic dinners: Panorama of metropolitan life. St. Petersburg: Pushkinskii fond, 1996. 320 p.
19. Lotman YU.M. Semiotics of everyday behavior. In: Lotman YU.M. Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury. St. Petersburg: Iskusstvo – SPB, 2002. P. 222–340.
20. Markov B.V. The culture of everyday life. St. Petersburg: PITER, 2008. 352 p.
21. Milchina V.A. Paris in 1814–1848: everyday life. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 944 p.
22. Neveklovskii G. Home life of Bosnian Muslims: housing, dishes and food. Yazyk kul'tury: Semantika i grammatika / Ed. S.M. Tolstaya. M.: Indrik, 2004. P. 430–438.
23. Nikitina N.A. Everyday life of Leo Tolstoy in Yasnaya Polyana. M.: Molodaya gvardiya, 2007. 395 p.
24. Polyakovskaya M.A., Chekalova A.A. Byzantium: life and customs. Sverdlovsk: Izd-vo Uralskogo un-ta, 1989. 304 p.
25. Pokhlebkii V.V. Culinary vocabulary. M.: Tsentropoligraf, 1996. 503 p.
26. Pokhlebkii V.V. Dinner is served! Repertoire of Foods and Drinks in Russian Classical Literature. M.: Artist. Rezhisser. Teatr, 1993. 409 p.
27. Pokhlebkii V.V. Tea and vodka in the history of Russia. Krasnoyarsk: Krasnoyarskoe knizhnoe izdatelstvo; Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatelstvo, 1995. 464 p.
28. Radetskii I.M. Almanac of gastronomes. St. Petersburg: M.: Izd-vo M.O. Volfa, 1877. 300 p.
29. Raikhert G.S. The Legend of Siberian Food. Experience of gastronomic local lore. Novosibirsk: Svinin i synovya, 2019. 590 p.
30. Ratushnyi A.S. Quenelle. In: Vse o ede ot A do YA: Ehntsiklopediya. M.: Dashkov i K°, 2016. 440 p.
31. Russian associative dictionary in 2 vol. / Yu.N. Karaulov, Yu.A. Sorokin, E.F. Tarasov et al. M.: AST-Astrel, 2002. Vol. 1.
32. Russian Semantic Dictionary: Explanatory Dictionary systematized by classes of words and meanings / Ed. N.Yu. Shvedovoi. M.: Azbukovnik, 2003. Vol. 3. 614 p.
33. Khrenov N.A. Feast in the context of the ritual. Traditsionnoe russkoe zastol'e: sbornik statei. M.: Gosudarstvennyi respublikanskii tsentr russkogo folklor, 2008. P. 272–292.
34. Chulkina N.L. The World of Everyday Life in the Linguistic Consciousness of Russians: A Linguocultural Description]. M.: Izdatelstvo LKI, 2007. 256 p.
35. Shein I.V. Sibirskii paradnyi stol of the 19th early–20th centuries. Krasnoyarsk: Sitall, 2013. 329 p.
36. Food in Russian History and Culture. Ed. Musya Giants and Joyce Toomre. Indiana-Michigan Series in Russian and East European Studies. Bloomington: Indiana Indiana University Press, 1997. 250 p.

About the author

Tarasenko Tatiana Vasilievna – PhD (Philology), Associated Professor, Reshetnev Siberian State University of Science & Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: tvt2004@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-100>

УДК 811.161.1

ВЕРБАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ЖИТЕЛЯ СОВРЕМЕННОГО ЕНИСЕЙСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ¹

С.В. Ускова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматриваются вопросы сохранения локальной культуры в условиях стирания территориальной и этнической идентичности в современном мире. Локальная самоидентификация прослеживается через трансляцию устойчивых типичных для территории рефлексий на слова-стимулы.

Цель – описание реакций жителей Енисейской Сибири на вербальные стимулы для определения степени осознания ими своей территориальной, этнической и культурной идентичности.

Результаты исследования. В работе представлен анализ спонтанной вербализованной рефлексии жителя села Селиваниха Туруханского района на предложенные исследователем темы – название местности, лица, события, национальная принадлежность и пр.

Выводы. В результате выделены семантические категории в текстах-рефлексиях, значимые для информантов как жителей Енисейской Сибири и определяющие их территориальную и этническую идентификацию.

Ключевые слова: *Енисейская Сибирь, локальная культура, территориальная идентификация, этнос, самосознание, рефлексивы, языковое сознание, семантические категории, слова-стимулы.*

Постановка проблемы. Система культурных координат в современном обществе находится в нестабильном состоянии, что прежде всего обусловлено трансформацией социальных реалий. Сегодня традиционные идеи и ценности теряют свое значение и не могут быть идентифицированы в социокультурной реальности. Современный житель мегаполиса живет в динамичном мире со слабыми связями между субъектами, с огромной свободой, и это проявляется в том, что интересы общества больше не связаны прочно с конкретным обществом и конкретной территорией.

В составе любых этносов имеются группы, и в настоящее время сохраняющие свою территориальную идентичность в силу изолированности от «большого мира». Такие группы представляют собой обособленные части народности или нации, культура и быт которых сохраняют некоторые особенности – имеют свои диалекты или говоры, обладают спецификой в материальной и духовной культуре, могут отличаться в религиозном отношении и т.д. [Брук, 1986]. Подобные

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00492 «Изучение самосознания жителей территории в самоописаниях и реакциях на вербальные стимулы».

группы поддерживают собственное мировосприятие, у них возникают свои критерии ценностей, своя лексика и тексты, отражающие эту систему в целом либо частично. Даже при наличии единого языка, общей истории удаленные населенные пункты развивают свои локальные варианты культуры, которые могут поддерживаться на протяжении нескольких поколений.

Население северных территорий Сибири до сих пор живет более или менее изолированно от основного русскоязычного населения, что дает возможность говорить о сохранении локального инварианта культуры. «Это территория с особыми климатическими условиями, уникальной историей, это трансграничный регион, сложившийся в результате длительных внешних и внутренних миграций, вынужденных и добровольных переселений, взаимодействия мигрантов между собой и с коренными народами» [Волошина, Демешкина, Толстова, 2021, с. 242].

Изучение речи жителей Приенисейской Сибири ведется в разнообразных аспектах – описание говоров и их лексикографическая фиксация [Селищев, 1968; Цомакион, 1966; Фельде, 2009], изучение топонимов и антропонимов [Васильева, 2005; Городилова, 2013], фиксация сибирского языкового сознания [Устьянцева, 2018; Мамаева, 2020, Васильева, 2020]. В последнее десятилетие все более актуальным становится изучение самоидентификации жителей Енисейской Сибири и вербальных репрезентаций локальной ментальности [Васильев, Васильева, Тимченко, 2015; Михайлов, 2015; Региональная самоидентификация языковой личности, 2017; и др].

Цель настоящего исследования – описание реакций жителей Енисейской Сибири на вербальные стимулы для определения степени осознания ими своей территориальной, этнической и культурной идентичности.

Методология. Сбор материала основан на включенном наблюдении за речевым поведением информантов в ситуациях спонтанного общения. Информантам предъявлялись топонимы и антропонимы, которые обладают эмоциональными коннотациями, в ситуации непрямого опроса. Отслеживалось эмоциональное отношение жителей территории к перспективам развития региона, отношение к истории земли. Информантам предъявлялись стимулы, которые обладают эмоциональными коннотациями, в ситуации непрямого опроса. Единицей описания в данной работе является рефлексив (см., напр.: [Вепрева, 2020; Казкенова, 2006; Залевская, 2015]). В данном исследовании рефлексив – реакция информанта на вербальные стимулы, которые эксплицируются в текстах с типичными представлениями носителя локальной картины мира.

В работе нас интересуют реакции носителей локального типа русскоязычной культуры на вербальные стимулы, а именно самоописания населением некоторых ситуаций или понятий, ограниченных какой-либо темой:

- осмысление существования топонимов и антропонимов на рассматриваемых территориях;
- ситуации быта, хозяйственной деятельности, обладающие специфической семантикой в данной локальной культуре;

– осмысление идеологически важных ситуаций – обрядов, календарных представлений, «привычных» действий, социальных установок и др.

Материалом анализа являются устные рассказы информантов, записанные автором статьи во время экспедиции в Туруханский район Красноярского края.

Туруханский район – часть Крайнего Севера Красноярского края на расстоянии от Красноярска в 1 100 км, а по Енисею – 1 440 км. Днем рождения современного Туруханского района официально считается 7 июля 1928 г. Непосредственная история Туруханских земель с указанием конкретных поселений и имен уходит к началу XVII в. – периоду освоения Сибири русскими государственными служащими и проникновения их на реку Енисей. Здесь они встретились с кочевывшими племенами современных эвенков, селькупов, кетов, якутов [Туруханский район].

Результаты исследования. Спецификой данного исследования стало изучение вербальной реакции информанта – носителя локальной культуры на некоторые слова-стимулы (название местности, лица, события и др.), то есть единицей описания становится спонтанно созданный текст-размышление (вербализованная рефлексия) на заданную исследователем тему.

В качестве примера остановимся на небольшом эпизоде наблюдения – текстерефлексиве жителя пос. Селиваниха Туруханского района. Селиваниха основана в 1841 г. ссыльным скопцом Василием Романовичем Березиным. К началу XX в. деревня Селиваниха была местом административной ссылки. В сентябре 1913 г. ссыльный Сталин навещал из соседнего села Монастырское (современное название – Туруханск) находившегося в селе Селиванихе ссыльного Якова Свердлова. Численность деревни на момент переписи населения 2010 г. – 101 человек [Селиваниха].

Герой эпизода – человек относительно типичной судьбы северянина – ссыльного переселенца: Василий, 83 года (настоящее имя – Йозеф, Йоза). Родился в 1937 г. в Литве, где прожил 11 лет. В 1948 г. был сослан в Селиваниху вместе с матерью, братом и тетей.

В ходе полевых исследований информанту предложены следующие стимулы:

- топонимы (населенный пункт, значимые места, места отдыха, места промысла и др.);
- хозяйственная деятельность (род занятия, работа);
- идеологически значимые ситуации (оценка событий, социальные установки);
- национальность.

Анализ полученных текстов показал отношение информанта к местности, истории, событиям, современности. В рассуждении отчетливо прослеживается оценка категорий «здесь / там», «раньше / сейчас», «мы / они». Именно эти семантические оппозиции оказываются значимыми в текстах-рефлексиях и определяют территориальную, этническую, культурную идентификацию, которые зачастую в речи Василия оказываются связанными. Рассмотрим несколько примеров.

«Здесь / там» (Литва / Север, Красноярск / Селиваниха / Туруханск).

– А вы из каких мест? (стимул).

– Я – литовец (акцент не на месте, а национальности).

– Вы же могли вернуться в **Литву** родную (вопрос с акцентом на месте рождения).

– Мог бы, наверное [и далее рефлексия]. Бывал я **там** (в Литве). Брат мой жил **там**. Там вся моя родня – дяди, тети, сродные. Но я женился на **местной** женщине – **северянке**. Она жила в деревне «Ангутиха» – покинутый поселок в 44 км от Туруханска. Мы как раз **там** бывали (в Литве), но **там** не очень уважают **русских** (акцент на национальности)... И так получилось, что не прижились мы **там**.

Этот пример показывает, что, несмотря на этническую самоидентификацию себя как литовца, Василий воспринимает себя северянином. Родина же по рождению – **там** (чужая). Ср.:

– Дети ваш язык знали? (стимул).

– Нет, не знали. У них и имена не литовские. Да и я не Василий, а Йозеф (прим. – далее следует воспоминание с оценкой «здесь / там»). После того как попал **сюда**, взял имя – Василий, чтобы проще было выговаривать другим людям. А попал не один **сюда**, с семьей – была мать, был брат, и тетя. Мать заболела, и нас в детдом отправили. Мы по детдому болтались. Потом разбежались и выросли. Один брат там, другой там. А мать соскучилась и уехала в **Литву**. И умерла **там**. У нее туберкулез был – мучилась долго и уехала.

Ассоциации с представлением о том, как «там» – негативные: **туберкулез, русских не уважают, мучилась, умерла:**

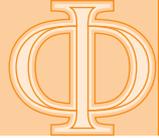
– Да. Видел ее могилку [матери], где она похоронена. **Трудно** мне было туда попасть. И условия были **плохие**, и работал **один**, и жил **один** (пока не женился).

В свою очередь, «здесь» (Север / Селиваниха) оценивается Василием положительно:

– Народ **здесь был хороший, дружелюбный**. Это сейчас он стал какой-то сам по себе. Раньше народ был **дружнее**: если уж пьянка – значит всем поселком, провожаем в армию всем поселком, встречаем тоже всем поселком. **В дружбе** все были.

В этом примере отслеживается признак «хорошо / плохо» (оценка местности, условий жизни, отношений с местными жителями).

Значима для описания характеристика «раньше / сейчас» по типу [] раньше – хорошо / сейчас – стало плохо: «сейчас он [народ] стал какой-то сам по себе». Или: В этом поселке было много [народу]. Сейчас осталось совсем-совсем **немного**: кто-то поумирал, кто-то уехал. **Работы** не стало здесь. **Не стало** в этом поселке **ничего**. **Нет ни магазина, нет ни медпункта, нет ни школы, нет ни садика**. Из работы только одна котельная осталась, и то – в ней работают те, кто помоложе. Тут остались **одни старики**.

Современное состояние поселка оценивается жителем как бедственное:

– *Мы как поняли, что у вас здесь еще кто-то коров держит?* (стимул).

– *Да, немножко. Человека, наверное, три. Раньше поселок был хороший, а сейчас даже дома старые, плохие.*

И даже природа в оценке информанта *сейчас плохая*:

– *Комаров много! Раньше скот был и травы такой высокой не было. Комаров стало страшно. Из-за травы большой комаров-то и стало много. Меняется природа. Сейчас смотрю, что птицы не прилетают: гуси, утки. Раньше много можно было их встретить здесь.*

Еще один признак, характерный для оценочных суждений информанта, – признак «они / мы».

– *Так вы же не русский?* (стимул).

– *Я – не русский. Но жена-то моя – русская. И так получилось, что не прижились мы там (считай – у них, в Литве).*

Численность и возрастной состав населения информант характеризует так:

– *А молодежи здесь нет?*

– *Ну как, есть – их немного. А школьников еще меньше. Они потом поступают куда-нибудь и уезжают. И больше не возвращаются. Большинство в Красноярске. В Туруханске мало наших людей.*

Итак, анализ полученных в процессе работы текстов-рефлексивов показал, что в ситуации общения с представителями локальных групп для описания территориальной идентичности весьма представленными оказываются рассуждения в оценочных категориях «мы / они», «наше / не наше», «раньше / сейчас», «здесь, тут / там, у них» и т.д. Частотность их употребления указывает на доминирующее положение в наборе семантических мотивов локального самосознания, в том числе и в процессе самоидентификации. Можно предположить, что, несмотря на изменчивость современного мира, на изолированных территориях продолжает сохраняться локальная исторически обусловленная идентичность.

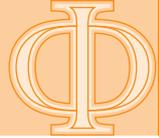
Библиографический список

1. Брук С.И. Население мира: этнодемографический справочник. М.: Наука, 1986. 832 с.
2. Васильев А.Д., Васильева С.П., Тимченко А.Г. Этнокультурное сознание и самосознание сибиряка, отраженное в языке: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. Красноярск, 2015. 204 с.
3. Васильева С.П. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков // Научный диалог. 2020. № 1. С. 27–44. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44
4. Васильева С.П. Русская топонимия Приенисейской Сибири: картина мира: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2005. 240 с.
5. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив Кто он, homo reflectensl. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24060/1/iurg-2002-24-17.pdf> (дата обращения: 04.09.2020).
6. Волошина С.В., Демешкина Т.А., Толстова М.А. Речевой портрет жителя трансграничного региона (русско-белорусское взаимодействие) // РУСИН. 2021. № 63. С. 241–268. DOI: 10.17223/18572685/63/13

7. Городилова Л.М. Структурные типы русских антропонимов в деловой письменности Приенисейской Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2 ч. Ч. I. С. 62–65.
8. Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2015. № 4. С. 29–36.
9. Казкенова А.К. Производность/непроизводность как функциональная характеристика слова // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 50–55.
10. Мамаева Т.В. Образ женщины в языковом сознании жителей Приенисейской Сибири // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 39–44. DOI: 10.25146/2587-7844-2020-12-4-62
11. Михайлов А.В. Об источниках российской «народной идеологии» // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: матер. XIII Конгресса МАПРЯЛ, Гранада, Испания, 13–20 сентября 2015 г.: в 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 5. С. 372–376.
12. Региональная самоидентификация языковой личности // Региональная идентификация и самоидентификация жителей Приенисейской Сибири: этнографический, лингвокультурологический, литературный дискурсы: монография / К.В. Анисимов, Т.А. Бахор, М.В. Веккесер [и др.]; под ред. доц. Т.А. Бахор. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 72–130.
13. Селиваниха (Туруханский район). URL: <https://google-info.org/3876077/1/selivanikhaturukhanskiy-rayon.html> (дата обращения: 01.12.2021).
14. Селищев А.М. Диалектологический очерк Сибири // Селищев А.М. Избр. тр. М.: Просвещение, 1968. С. 223–389.
15. Туруханский район. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/regions/turukhanskiy-rayon/> (дата обращения: 01.12.2021).
16. Устьянцева Е.В. Базовые ценности жителей Приенисейской Сибири (осознаваемый и неосознаваемый уровни языкового сознания) // Вопросы психолингвистики. 2018. № 2 (36). С. 118–126. DOI: 10.30982/2077-5911-2-118-126
17. Фельде О.В. (Борхвальдт) Диалектная лексикография Приенисейской Сибири в свете лингвистической историографии // Проблемы лексикографирования диалектного материала. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektnaya-leksikografiya-prieniseyskoj-sibiri-v-svete-lingvisticheskoj-istoriografii/viewer> (дата обращения: 04.12.2021).
18. Цомакион Н.А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1966. 494 с.

Сведения об авторе

Ускова Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общественных связей института социального инжиниринга, Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнёва (Красноярск); e-mail: s_us78@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-100>

VERBAL SELF-IDENTIFICATION OF A RESIDENT OF THE MODERN YENISEI SETTLEMENT

S.V. Uskova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article deals with the issues of preservation of local culture in the conditions of erasure of territorial and ethnic identity in the modern world. Local self-identification can be traced through the transfer of stable reflections typical for the territory on stimuli words. The present article was created as part of a study carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of a scientific project supported by the Russian Foundation for Basic Research, project number 20-012-00492A “The study of the identity of the inhabitants of the territory in self-descriptions and reactions to verbal incentives”.

The purpose of the article is to describe the reactions of Yenisei Siberia residents to verbal stimuli to determine the degree of awareness of their territorial, ethnic, and cultural identity.

Research results. The paper presents an analysis of the spontaneous verbalized reflection of a resident of the village of Selivanikha (Turukhansky district) on the topics proposed by the researcher: the name of the locality, persons, events, ethnicity, etc.

Conclusions. As a result, semantic categories of reflection texts are identified. They are significant for informants as residents of Yenisei Siberia and determine their territorial and ethnic identification.

Keywords: Yenisei Siberia, local culture, territorial identification, ethnos, self-awareness, reflexives, linguistic consciousness, semantic categories, stimuli words.

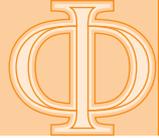
References

1. Brook S.I. World population. Ethno-demographic reference book. Moscow: Nauka, 1986. 832 p.
2. Vasiliev A.D., Vasilyeva S.P., Timchenko A.G. Ethnocultural consciousness and self-consciousness of a Siberian reflected in the language: monograph / Krasnoyarsk. state ped. un-t them. V.P. Astafieva. Krasnoyarsk, 2015. 204 p.
3. Vasilyeva S.P. Experience of identifying the specifics of the everyday linguistic consciousness of Russians according to the data of associative dictionaries of the XX–XXI centuries // Scientific dialogue. 2020. No. 1. P. 27–44. DOI: 10.24224 / 2227-1295-2020-1-27-44
4. Vasilyeva S.P. Russian toponymy of Yenisei Siberia: picture of the world: monograph / Krasnoyarsk. state ped. un-t them. V.P. Astafieva. Krasnoyarsk, 2005. 240 p.
5. Vepreva I.T. What is a reflective Who is he, homo reflectensl. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24060/1/iurg-2002-24-17.pdf> (access date: 09.04.2020).
6. Voloshina S.V., Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Speech portrait of a resident of a cross-border region (Russian-Belarusian interaction) // RUSIN. 2021. No. 63. P. 241–268. DOI: 10.17223 / 18572685/63/13
7. Gorodilova L.M. Structural types of Russian anthroponyms in the business writing of the Yenisei Siberia // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2013. No. 6 (24): in 2 parts. Part I. P. 62–65.
8. Zalevskaya A.A. 2015: “Reflection” and “linguistic consciousness”: terminology issues // Bulletin of Tver State University. Series “Philology”, 2015. No. 4. P. 29–36.
9. Kazkenova A.K. Productivity / Non-Productivity as a Functional Characteristic of a Word // World of the Russian Word. 2006. No. 4. P. 50–55.

10. Mamaeva T.V. The image of a woman in the linguistic consciousness of the inhabitants of the Yenisei Siberia // *Siberian Philological Forum*. 2020. No. 4 (12). P. 39–44. DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2020-12-4-62>
11. Mikhailov A.V. On the sources of Russian “folk ideology” // *Russian language and literature in the space of world culture: materials of the XIII Congress of MAPRYAL, Granada, Spain, September 13–20, 2015: in 15 vol. St. Petersburg: MAPRYAL, 2015. Vol. 5. P. 372–376.*
12. Regional self-identification of the linguistic personality // *Regional identification and self-identification of the inhabitants of the Yenisei Siberia: ethnographic, linguoculturological, literary discourses: monograph / K.V. Anisimov, T.A. Bakhor, M.V. Vekkesser et al.; ed. Assoc. T.A. Bakhor. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2017. P. 72–130.*
13. Selivaniha (Turukhansk region). URL: <https://google-info.org/3876077/1/selivanikha-turukhanskiy-rayon.html> (access date: 01.12.2021).
14. Selishchev A.M. *Dialectological sketch of Siberia* // Selishchev A.M. Fav. tr. Moscow: Education, 1968. P. 223–389.
15. Turukhansk region. URL: <http://my.krskstate.ru/docs/regions/turukhanskiy-rayon/> (access date: 01.12.2021).
16. Ustyantseva E.V. Basic values of the inhabitants of the Yenisei Siberia (perceived and unconscious levels of linguistic consciousness) // *Questions of psycholinguistics*. 2018. No. 2 (36). P. 118–126. DOI: 10.30982 / 2077-5911-2-118-126
17. Felde O.V. (Borchwaldt). *Dialectal lexicography of Yenisei Siberia in the light of linguistic historiography* // *Problems of lexicography of dialectal material*. 2009. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dialektnaya-leksikografiya-prienseyskoy-sibiri-v-svete-lingvisticheskoy-istoriografii/viewer> (access date: 01.12.2021).
18. Tsomakion N.A. *Turukhansk dialects in their history and current state*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk book publishing house, 1966. 494 p.

About the author

Uskova Svetlana Viktorovna – PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Public Relations of the Social Engineering Institute, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: s_us78@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-101>

УДК 811.112.2`36

КОНСЕКУТИВНЫЙ ТАКСИС В АСПЕКТЕ МЕЖКАТЕГОРИАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКОВ)

И.В. Архипова (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В связи с недостаточностью освещения вопроса межкуатегориального взаимодействия различных функционально-семантических категорий данная проблематика остается сегодня наиболее актуальной. В фокусе нашего исследования – проблема межкуатегориальной инклюзии функционально-семантической категории таксиса и категории консекутивности. Межкуатегориальная инклюзия данных категорий детерминирует конституирование консекутивно-таксисных семантических синкрет-комплексов и актуализацию консекутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности в высказываниях с монотаксисными предложениями консекутивной семантики.

Целью настоящего исследования явилось описание актуализации консекутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности в разноструктурных языках: немецком, английском, нидерландском, русском и польском.

Методология (материалы и методы). Материалом послужили высказывания немецкого, нидерландского, английского, русского и польского языков с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате*.

В качестве основных методов были использованы следующие: метод сплошной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Результаты исследования. Было установлено, что немецкие, английские, нидерландские, польские и русские высказывания с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате* репрезентируют консекутивно-таксисные семантические синкрет-комплексы одновременности. В них актуализируются консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности. В качестве маркеров консекутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают монотаксисные предлоги консекутивной семантики. Девербативы в сочетании с консекутивными предложениями выполняют роль таксисных актуализаторов.

Ключевые слова: *таксис, консекутивность, межкуатегориальное взаимодействие, межкуатегориальная инклюзия, консекутивный таксис, консекутивный предлог, монотаксисный предлог, таксисный маркер, таксисная категориальная ситуация, консекутивно-таксисная категориальная ситуация одновременности.*

В фокусе исследовательского внимания находится вопрос актуализации категориальной семантики консекутивного таксиса одновременности в аспекте межкуатегориального взаимодействия функционально-семантических категорий таксиса и консекутивности.

Материалом настоящего исследования явились высказывания немецкого, нидерландского, английского, русского и польского языков с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате*. Обследованные высказывания были получены методом сплошной выборки из Лейпцигского национального корпуса. Общее количество фрагментов составило около 7 000.

В процессе исследования были использованы следующие общенаучные и лингвистические методы: метод сплошной выборки, гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, а также метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Монотаксисные предлоги *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате* выступают при этом в качестве маркеров консекутивного таксиса одновременности, а девербативы в сочетании с ними выполняют роль таксисных актуализаторов.

Категориальная семантика консекутивности и ее языковая актуализация в различных языках освещаются в исследованиях ряда современных лингвистов (И.В. Архипова, В.Б. Евтюхин, Т.Е. Шаповалова, Л.П. Кургут, Р.М. Теремова, В.Е. Радзиховская, А.А.Чепуренко и др. [Архипова, 2020; Шаповалова, 2015; Кургут¹, 1988; Теремова, 2017; Евтюхин, 1996, Радзиховская, 2020, Чепуренко, 2009]).

Категория консекутивности является функционально-семантической категорией с полевой структурой и входит в группировку полей обусловленности (причины, условия, цели, следствия, уступки) [Теремова, 2017; Евтюхин, 1996]. Значение следствия характеризуется «интегральными семантическими признаками: обозначением двуситуативных структур, определенным содержательным соответствием между ситуациями и т.п.» [Евтюхин 1996, с. 161]. В.Б. Евтюхин указывает на то, что понимание значения следственного отношения сводится «к простой констатации того факта, что в цепочке «обусловливающее – обусловливаемое»... акцентируется (специализированным выражением) исключительно обусловливаемый (следственный) компонент [Евтюхин, 1996, с. 164].

Функционально-семантические категории таксиса и консекутивности характеризуются тесной межкатегориальной связью. Характер межкатегориального взаимодействия данных категорий мы определяем как *межкатегориальную инклюзию* (см. рис.).

В силу межкатегориальной инклюзии функционально-семантические категории таксиса и консекутивности конституируют консекутивно-таксисный семантический синкрет-комплекс одновременности.

Явление межкатегориальной инклюзии данных категорий детерминирует актуализацию категориальной семантики консекутивного таксиса одновременно в высказываниях с монотаксисными консекутивными предложениями.

¹ Кургут Л.П. Функциональная категория условия-следствия в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1988. 22 с.

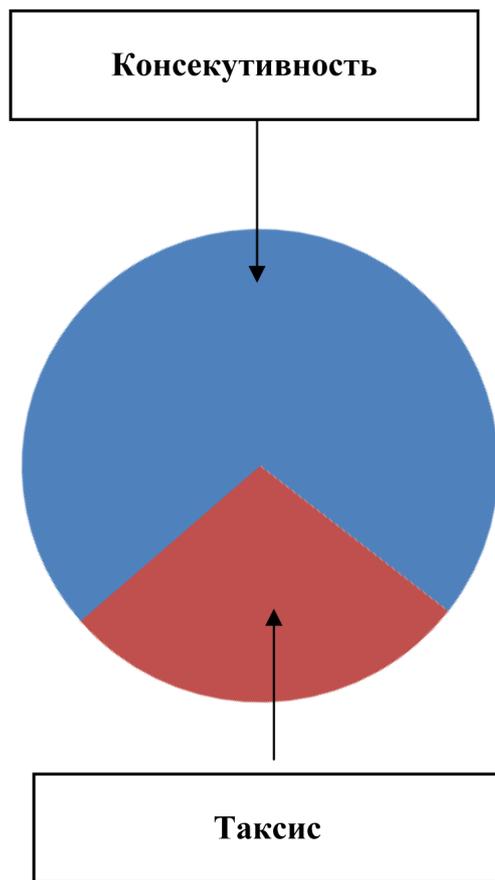

Рис. Таксис и консекутивность: модель межкатегориальной инклюзии

Под семантикой консекутивного таксиса одновременности понимается таксисное значение одновременности, совмещенное с обстоятельственным значением консекутивности (следствия). Под таксисным значением одновременности следует понимать временную соотнесенность двух и более действий (событий, процессов) в рамках единого темпорального периода и безотносительно к моменту речи. Актуализируемое в обследованных высказываниях таксисное значение одновременности действий (событий, процессов) девербативов и действий (событий, процессов) глагольных предикатов носит секундарный характер, поскольку в высказываниях подобного рода прототипической является семантика консекутивности. Соответственно, можно утверждать, что в высказываниях с монотаксисными консекутивными предложениями актуализируется категориальная семантика непрототипического секундарного таксиса, в частности консекутивного.

Консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности актуализируются в немецких, нидерландских, английских, русских и польских высказываниях с девербативами с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultacie, вследствие, в результате*. Такие высказывания репрезентируют консекутивно-таксисный семантический синкрет-комплекс одновременности.

В немецком и нидерландском языках репрезентантами консекutive-таксисного семантического синкрет-комплекса одновременности являются высказывания с монотаксисными предлогами консекutive семантики *infolge*, *ingevolge*, *krachtens*. В них актуализируются консекutive-таксисные категориальные ситуации одновременности. В качестве маркеров семантики консекutive таксиса в немецком и нидерландском языках выступают монотаксисные предлоги *infolge*, *ingevolge*, *krachtens*:

Нем.:

(1) Dies stellte sich *infolge einer Untersuchung des Temescher Amtes* für (LC).

(2) Bei dem Polizeiauto wurde der vordere Bereich *infolge des Aufpralls* zerstört (LC).

(3) Besser ist abends, da die Ergebnisse im Laufe eines Tages *infolge der Schwankungen im Wasserhaushalt* stark variieren (LC).

(4) Dessen Qualität wird in vielen Fällen *infolge der Überlastung der Anlagen und fehlender Investitionen* als mies bezeichnet (LC).

(5) Bauchschmerzen treten oft *infolge falscher Ernährung* auf (LC).

(6) Wie viele andere Grossveranstaltungen in der Schweiz ist auch das Swiss Open in Basel von den Einschränkungen *infolge der raschen Ausbreitung des Coronavirus* betroffen (LC).

(7) Im Landkreis Cham sind nun zwei Todesfälle *infolge einer Infizierung mit dem Coronavirus* zu beklagen (LC).

(8) Tausende Menschen sind *infolge der Angriffe* von Boko Haram im Nordosten Nigerias über die Grenze in den Tschad geflohen (LC).

Нидерл.:

(9) Dat oordeel komt *ingevolge de regeling* in Rv toe aan de burgerlijke rechter (LC).

(10) Dit snelheidsverschil drukt ook min of meer het verschil in jaren uit tussen het uitzenden van de bron en het ontvangen van het licht *ingevolge de uitdijing* (LC).

(11) Bij het vaststellen van een aanspraak op schadevergoeding *krachtens deze regeling* wordt alle schade die het gevolg is van gecontroleerde inundatie in aanmerking genomen (LC).

В вышеперечисленных высказываниях (1–8) при актуализации консекutive-таксисных категориальных ситуаций одновременности в качестве таксисных актуализаторов в немецком языке выступают следующие девербативы в сочетании с монотаксисным консекutive предлогом *infolge*: *infolge einer Untersuchung des Temescher Amtes*, *infolge des Aufpralls*, *infolge der Schwankungen im Wasserhaushalt*, *infolge der Überlastung der Anlagen und fehlender Investitionen*, *infolge falscher Ernährung*, *infolge der raschen Ausbreitung des Coronavirus*, *infolge einer Infizierung mit dem Coronavirus*, *infolge der Angriffe*.

В высказываниях (9–11) актуализаторами консекutive-таксисных категориальных ситуаций одновременности выступают следующие нидерландские девербативы в сочетании с таксисными маркерами *ingevolge*, *krachtens*: *ingevolge de regeling*, *ingevolge de uitdijing*, *krachtens deze regeling*.

В польских и русских высказываниях с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *wskutek*, *w skutku*, *skutkiem*, *na skutek*, *w wyniku*, *w efekcie*, *w rezultacie*, *wследствие*, *в результате* актуализируются консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности. Обследованные высказывания с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *wskutek*, *w skutku*, *skutkiem*, *na skutek*, *w wyniku*, *w efekcie*, *w rezultacie*, *wследствие*, *в результате* репрезентируют консекутивно-таксисный семантический синкрет-комплекс одновременности. Ср.:

Польск.:

(12) *Później wskutek odbicia się od tego auta, uderzył w następne, także renault (LC).*

(13) *Niektóre mieszkania, zwłaszcza w blokach z wielkiej płyty, są małe, a często też ciemne wskutek usytuowania budynku, które ogranicza dostęp promieni słonecznych do ich wnętrza (LC).*

(14) *Domagali się oni odszkodowań za narażenie na choroby wskutek wystawienia na działanie pyłów i dymu (LC).*

(15) *Mieszkanca powiatu bydgoskiego doznała wskutek zderzenia urazu głowy, a jej towarzysz podróży ma uraz kręgosłupa (LC).*

(16) *Na Śląsku wskutek przekroczenia stanów ostrzegawczych wprowadzono wczoraj pogotowie przeciwpowodziowe w pięciu powiatach oraz w Bielsku-Białej (LC).*

(17) *W efekcie wzmocnienia załatwiano w ostatnim tygodniu (LC).*

В вышеперечисленных высказываниях (12–17) в качестве актуализаторов консекутивного таксиса одновременности выступают следующие польские деепричастия в сочетании с монотаксисными консекутивными предложениями *wskutek* и *w efekcie*: *wskutek odbicia się*, *wskutek usytuowania*, *wskutek wystawienia*, *wskutek zderzenia*, *wskutek przekroczenia*.

Русск.:

(18) *Увеличение объемов перевозок произошло вследствие освоения новых транспортных схем (LC).*

(19) *Каталог нашей продукции постоянно пополняется вследствие расширения партнерских отношений (LC).*

(20) *Сокращение рынка происходит вследствие падения продаж мобильных телефонов (LC).*

(21) *Благодаря этому в материале не образуются трещины вследствие его высыхания (LC).*

(22) *Это произошло вследствие присоединения Крыма к России и получения возможности выхода к Черному морю (LC).*

(23) *Возникает подобное состояние вследствие снижения дозы инсулина или в результате прекращения его введения (LC).*

(24) *Турист из Москвы погиб в Сингапуре в результате падения из окна одного из отелей (LC).*

(25) *В результате проведения экспертиз по делу его рассмотрение затянулось аж на четыре года (LC).*

В вышеперечисленных высказываниях (18–25) актуализируются консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности. В качестве таксисных маркеров выступают предлоги русского языка консекутивной семантики *вследствие* и *в результате*. В роли актуализаторов консекутивного таксиса одновременности выступают следующие предложные девербативы русского языка: *вследствие освоения новых транспортных схем, вследствие расширения партнерских отношений, вследствие падения продаж мобильных телефонов, вследствие его высыхания, вследствие присоединения Крыма к России и получения возможности выхода к Черному морю, вследствие снижения дозы инсулина, в результате прекращения его введения, в результате падения из окна, в результате проведения экспертиз по делу*.

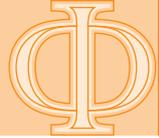
Итак, функционально-семантические категории таксиса и консекутивности находятся в отношении межкатегориальной инклюзии. Явление межкатегориальной инклюзии данных категорий детерминирует актуализацию категориальной семантики консекутивного таксиса одновременности в высказываниях с монотаксисными предложениями консекутивного значения. Категориальная семантика консекутивного таксиса включает, помимо таксисного значения одновременности, обстоятельственное значение консекутивности.

Высказывания с монотаксисными предложениями консекутивной семантики *infolge, ingefolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате* репрезентируют консекутивно-таксисный семантический синкрет-комплекс одновременности.

В немецких, английских, нидерландских, польских, русских высказываниях с девербативами с монотаксисными предложениями консекутивной семантики актуализируются консекутивно-таксисные категориальные ситуации одновременности. В качестве маркеров консекутивно-таксисных категориальных ситуаций одновременности в обследованных высказываниях выступают монотаксисные предлоги консекутивной семантики *infolge, ingefolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате*. Девербативы в сочетании с вышеперечисленными консекутивными предложениями выполняют роль таксисных актуализаторов.

Библиографический список

1. Архипова И.В. Категория таксиса в разноструктурных языках: монография. Новосибирск, 2020. 173 с.
2. Евтюхин В.Б. Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 138–174.
3. Радзиховская В.К. Взаимодействие функционально-семантической категории взаимности с полями причины / цели – следствия // Гуманитарно-педагогические исследования. 2020. Т. 4, № 1. С. 54–65.
4. Теремова Р.М. Функциональная грамматика: блок обусловленности в современном русском языке: монография / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2017. 283 с.

5. Чепуренко А.А. Взаимодействие семантических категорий цели, причины и следствия во фразеологии // Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2009. № 3 (3). С. 309–314.
6. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в структуре сложноподчиненного предложения с отношениями следствия // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 3. С. 119–121.
7. LC – Лаборатория корпусной лингвистики Лейпцигского университета. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (дата обращения: 14.10.2021).

Сведения об авторе

Архипова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, профессор кафедры романо-германских языков, Новосибирский государственный педагогический университет; e-mail: irarch@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-101>

CONSECUTIVE TAXIS IN THE ASPECT OF INTERCATEGORIAL INTERACTION (BASED ON THE MATERIAL OF DIFFERENT-STRUCTURED LANGUAGES)

I.V. Arhipova (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. Due to the lack of coverage of the issue of intercategory interaction of various functional-semantic categories, this problem remains the most relevant today. The focus of our research is the problem of intercategory inclusion of the functional-semantic category of taxis and the category of consecutivity. Intercategory inclusion of these categories determines the constitution of consecutive-taxis semantic syncretic complexes and the actualization of consecutive-taxis categorial situations of simultaneity in statements with monotaxis prepositions of consecutive semantics.

The purpose of this article is to describe the actualization of consecutive-taxis categorial situations of simultaneity in different-structured languages: German, English, Dutch, Russian, and Polish.

Methodology (materials and methods). The material was the statements of the German, Dutch, English, Russian, and Polish languages with monotaxis prepositions of the consecutive semantics *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате*.

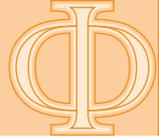
The main methods used were the following: continuous sampling, hypothetical-deductive, inductive, and descriptive methods, classification method, as well as the method of synthesis and interpretation of linguistic material.

Research results. It was found out that German, English, Dutch, Polish, and Russian statements with monotaxis prepositions of the consecutive semantics *infolge, ingevolge, krachtens, wskutek, w skutku, skutkiem, na skutek, w wyniku, w efekcie, w rezultaci, вследствие, в результате*, represent consequently taxis semantic syncretic complexes of simultaneity. They actualize consecutive-taxis categorial situations of simultaneity. Monotaxis prepositions of consecutive semantics act as markers of consecutive-taxis categorial situations of simultaneity. Deverbatives in combination with consecutive prepositions act as taxis actualizers.

Keywords: *taxis, consecutivity, intercategory interaction, intercategory inclusion, consecutive taxis, consecutive preposition, monotaxis preposition, taxis marker, taxis categorial situation, consecutive-taxis categorial situation of simultaneity.*

References

1. Arkhipova I.V. Taxis category in different-structured languages: monograf. Novosibirsk, 2020, 173 p.
2. Evtjuhin V.B. Grouping of conditionality fields: cause, condition, purpose, consequence, assignment. In: Teorija funkcionalnoj grammatiki: Lokativnost. Bytijnost. Possesivnost. Obuslovlennost. St. Petersburg: Nauka, 1996. P. 138–174.
3. Radzihovskaja V.K. Interaction of the functional-semantic category of reciprocity with the fields of cause / purpose – consequence // Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija. 2020. Vol. 4, No. 1. P. 54–65.

4. Teremova R.M. Functional grammar: conditionality block in modern Russian: monograf / Rossijskij gosudarstvennyj pedagogičeskij universitet im. A.I. Gercena. St. Petersburg: Izd-vo RGPU im. A.I. Gercena, 2017. 283 p.
5. Chepurenko A.A. Interaction of semantic categories of purpose, cause and consequence in phraseology // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo instituta. 2009. No. 3 (3). P. 309–314.
6. Shapovalova T.E. The category of syntactic tense in the structure of a complex sentence with consequences relations // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2015. Vol. 21, No. 3. P. 119–121.
7. LC – Laboratory of Corpus Linguistics, University of Leipzig. URL: <http://www.wortschatz.uni-leipzig.de> (access date: 14.11.2021).

About the author

Arhipova Irina Viktorovna – PhD (Philology), Professor, Department of French and German Languages, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia); e-mail: irarch@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-102>

УДК 821.112.2

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В РОМАНЕ «ШИРОКОЕ ПОЛЕ» Г. ГРАССА¹

В.Э. Биктимиров (Екатеринбург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Настоящее исследование посвящено изучению романа «Широкое поле» Г. Грасса, в котором проблема исторической судьбы нации сопрягается с вопросами о значении и функционировании в поле национальной культуры самой художественной литературы.

Цель статьи – рассмотреть способы репрезентации исторического материала в романе Гюнтера Грасса «Широкое поле» с учетом авторской историософии и концепции историоцентричного романа.

Методология и методы исследования. Методология в решении поставленной цели носит синтетический характер. Среди методов, в опоре на которые выполняется исследование, используются интертекстуальный, историко-культурный, сравнительно-исторический. Так как исследование нацелено не только на аналитику художественного произведения Г. Грасса, но и на реконструкцию его исторической концепции, методология исследования расширяется за счет привлечения совокупности методов герменевтической теории.

Результаты исследования. Установлено, что Г. Грассу важно показать не официальную историографию, документально подтвержденную, а субъективную интерпретацию общеизвестных фактов, истина которых подтверждается вневременной ценностью. Вновь обращаясь к теме непреодоленного прошлого, автор не только акцентирует внимание на последствиях объединения Германии в XIX в., но изображает новую историческую реальность, эпоху единения Германии в Новом тысячелетии, в котором необходимо существовать современному поколению немцев. Разобраться в историческом катаклизме Грассу, как и его героям, помогает литература, в частности жизнь и творчество немецкого реалиста Теодора Фонтане.

Ключевые слова: история, историоцентричный роман, Т. Фонтане, Г. Грасс, «Широкое поле», немецкая литература.

Постановка проблемы и цель работы. Для немецкой словесности конца рубежа XX–XXI вв. характерно осмысление проблем исторической судьбы нации. Они сопрягаются с вопросами о значении и функционировании в поле национальной культуры самой художественной литературы. Одним из таких произведений является роман «Широкое поле» (“Ein weites Feld”, 1995) или «Долгий разговор» (пер. Б.Н. Хлебникова) Гюнтера Грасса.

Еще при жизни автора книга вызвала огромный резонанс в обществе как среди профессиональной аудитории, так и среди простых читателей. Достаточно вспомнить скандальную обложку журнала «Der Spiegel», на которой изобра-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90017.

жен ведущий немецкий критик XX столетия М. Райх-Раницкий, разрывающий на две части грассовский роман. И подобная реакция не случайна. Немецкий писатель, противник объединения двух государств, ФРГ и ГДР, сумел отразить актуальные для общественности проблемы, к числу которых можно отнести вопросы о национальной идентичности, политическом насилии, ответственности за события Холокоста и др. В этом отношении справедливо суждение М.С. Потёмной о том, что роман «Широкое поле» Г. Грасса трансформировался в «явление социокультурного и политического масштаба» [Потёмная, 2014, с. 76]. Кроме того, его публикация стала и знаковым явлением литературной жизни, т.к. немецкий писатель «отдал дань уважения особому немецкому литературному наследию», а именно жизни и творчеству Теодора Фонтане (1819–1898) [Preece, Thesz, 2019, с. 307].

Действие романа начинается зимой 1989 г. и заканчивается осенью 1991 г. Архивист Тео Вуттке и его «дневная и ночная тень» («Tagundnachtschatten»), сотрудник Штази, Людвиг Хофталлер путешествуют по Берлину, периодически посещая самые разные территории бывшей ГДР (Берлин, маркграфство Бранденбург, Лаузиц, Нойруппин и др.). Оба персонажа на протяжении всего романа обмениваются идеями о новом политическом устройстве страны, падении Берлинской стены, предаются воспоминаниям о событиях прошлых лет. В жизни Вуттке происходит ряд важных изменений: гибель друга, свадьба дочери Марты, воссоединение с внучкой Мадлен и др. Завершается роман внезапным побегом героя во Францию, а также пожаром Дома Министерства – символа не только политического строя страны, но и самой Германии.

Ряд исследователей, таких как Н. Тец [Thesz, 2007], С. МакКракен [McCracken, 2015], А.В. Добряшкина [Добряшкина², 2005], лишь вскользь упоминают о жанровой природе романа Грасса, высказывая предположение о его близости историческому роману. Важно отметить, что в грассовском тексте история представлена иначе, чем в традиционном историческом романе: она хаотична, беспорядочна и нелинейна. По мысли Дж. Фонткуберты, «в тексте смешиваются и прошлое, и настоящее. Основание Рейха в 1871 кажется таким же современным событием, как и воссоединение Германии в 1989 году Грасс ведет за руку читателя, чтобы показать, что “в сущности здесь ничего не изменилось”» [Fontcuberta, 1997, с. 7]. Действительно, магистральное событие романа «Широкое поле» (объединение ФРГ и ГДР) вписано в глубокий культурный контекст (период Веймарской Республики, правление национал-социалистической партии и т.д.). Интересной в этом отношении представляется точка зрения Г.И. Данилиной, которая апеллирует к суждениям Г. Зайбта о том, что роман Грасса не содержит традиционной концепции истории, свойственной, например, творениям Л. Фейхтвангера, С. Цвейга, Т. Манна: «Все здесь только намерения <...>. Все бессвязно и случайно» [Данилина, 2002, с. 135].

² Добряшкина А.В. Гротеск в творчестве Гюнтера Грасса: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2005. 160 с.

Вслед за Г.И. Данилиной, мы считаем, что данное произведение сложно причислить как к традиционным образцам исторического романа, так и к его вариациям, получившим широкое развитие в современной литературе под влиянием философии и эстетики постмодернизма. В «Широкое поле» Г. Грасса присутствует особый вариант исторического нарратива, который можно назвать историоцентричным романом. Под данным понятием подразумевается субжанр исторического романа, «проблематика и сюжетная организация которого определяется интенцией авторской мысли о прошлом – при отсутствии непосредственного изображения реальных исторических событий» [Биктимиров, 2021, с. 63].

Ведущими жанровыми признаками историоцентричного романа являются историоцентричность и металитературность. Историоцентричность – это восприятие истории как единого целого. Не случайно Ф. Шиллер, разрабатывая концепцию всеобщей истории, писал, что человек «отправляется от теперешнего положения вещей и идет назад к их генезису. Когда от текущего года и столетия он мысленно возвращается к непосредственно им предшествовавшему и встречается здесь с историческими фактами, которые объясняют ему последующие события» [Шиллер, 1956, с. 23]. Так и в историоцентричном романе – ощущение присутствия истории в нарративе такого произведения формируется по-другому, объединяя прошлое и настоящее, тем самым воплощая идею о неразрывной связи времен.

Под металитературностью мы понимаем не рефлексию в художественном тексте о взаимоотношениях автора и созданного им текста, а особый тип взаимодействия литературы и читателя. Данная жанровая характеристика является неотъемлемой частью историоцентричного романа, т.к. в таких произведениях присутствуют размышления о том, как «работает» литература, какую роль она выполняет как для отдельных людей, так и для страны в целом. В связи с этим цель настоящей статьи – рассмотреть способы репрезентации исторического материала в романе «Широкое поле» с учетом авторской историософии и концепции историоцентричного романа.

Результаты исследования. В своем произведении Г. Грасс воспроизводит циклическую концепцию истории человечества в контексте ницшеанской философии о вечном возвращении. Вечное возрождение, по Ницше, это идея о том, что все происходящее в жизни имеет свойство повторяться неоднократно количество раз. Так, в работе «Так говорил Заратустра. Книга для всех и для никого» («Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen», 1885) философ отмечал, что «существует великий год становления, чудовищно великий год; он должен, подобно песочным часам, вечно сызнова поворачиваться, чтобы снова течь и истекать, – так что все эти годы похожи сами на себя, в большом и малом, – так что и мы сами в каждый великий год похожи на себя, в большом и малом» [Ницше, 2007, с. 225].

Размышления Ницше нашли воплощение и в историософской концепции Грасса о существовании «четвертого времени» («Vergengenkunft»). С помощью

этой теории немецкий писатель упраздняет хронологичность и линейность исторического времени. В этом отношении официальная историография не имеет для него никакой ценности; она уступает место неофициальному, субъективному видению и осмыслению событий минувших эпох. Согласно точке зрения Грасса, именно четвертое время позволит «преодолеть наше школьное размежевание “прошлое – настоящее – будущее”, использовать их параллельно или приблизить к себе, в особенности будущее. Поскольку такая возможность есть, она может быть – во всяком случае, в книгах – предложена читателю, не желающему, как и автор, мириться с редукцией нашей действительности» [Grass, 1987, S. 261–262, цит. по: Леонова, 2010, с. 257]. Практика «прямого соположения диспаратных исторических реальностей», впервые представленная в тексте «Головорожденные, или Немцы умирают» («Kopfgeburten oder Die Deutschen sterben aus», 1980), позволила Грассу «вынести на сцену немецкой столицы этого времени особого рода “диалог между прожитым и проговоренным настоящим и цитированным прошлым”» [Ewert, 1999, S. 404].

Ярким примером такого «вечного возвращения» служит описание внутренней структуры здания Дома Министерства, особое место в котором отведено средству передвижения. «Paternoster» – это лифт непрерывного действия в Доме Министерства, где работал Тео Вуттке на протяжении всей своей трудовой жизни. Движение лифта порождает у героя мысль об истинном смысле времени – его повторяемости. Само устройство для транспортировки людей и осуществления служебного документооборота является метафорой времени. Так, когда Вуттке видит проезжающего на лифте главу Дома Министерства, в его сознании начинает появляться плеяда политических деятелей: Герман Геринг, Йозеф Геббельс, Вальтер Ульбрихт, Эрик Хоннекер. Для Фонта прошлое не отличается от настоящего; он восклицает: «Господи Боже! Как во мне это все ожило. <...> Это все <...> еще можно предвидеть сегодня, несмотря на то, что по-настоящему военное время уже прошло. Однако в своем отчете я все же могу оживить прошлое» (здесь и далее перевод романа наш. – В.Б.) [Grass, 1995, S. 79]. Внезапное озарение героя наводит его на мысль о том, что прошлое, подобно разряду электрического тока, способно вызвать импульс в человеческом сознании, заставить мыслить критически. В этом отношении метафора «Paternoster» – это изображение временной петли, бесконечно повторяющегося времени, сменяющихся исторических эпох. Именно к осознанию этой мысли и приходит герой, постигнув сокровенную тайну исторической сущности грядущего Нового тысячелетия.

Говоря о социальных реалиях, изображенных Грассом в романе «Широкое поле», невозможно не упомянуть высказывание самого писателя: «Новая несправедливость, опирающаяся на старую, обрушивается на население, которое после эпохи национал-социалистического террора еще целых сорок лет жило в условиях непрекращающегося бесправия. Речь идет именно об этих семнадцати миллионах восточных немцев, на плечи которых – по праву представительства,

так сказать, – легла главная часть тягот расплаты за начатую и проигранную всеми немцами войну» [Гюнтер Грасс..., 1991, с. 118]. Т.А. Шарыпина считает, что писатель реалистично изображает «ситуацию после объединения Германии, показывает, как политики и общественные функционеры ФРГ развязывают травлю культурных и общественных деятелей ГДР, фабрикуя компромат» [Шарыпина, 2020, с. 59]. Так, жертвой политических интриг становится одно из действующих лиц романа – профессор Фройндлих. Герой заканчивает жизнь самоубийством, как впоследствии узнает Фонти. Причиной совершенного поступка является национальная идентичность героя, а также преследование со стороны спецслужб. Реакция Тео Вуттке на смерть своего друга-еврея не вызывает у читателя сомнения в том, сколько жестокости и несправедливости видит герой в объединении ГДР и ФРГ: «Вы можете улыбаться, <...> но прошу учесть, что <...> все здесь сводится к насилию» [Grass, 1995, S. 668].

О невозможности компромисса не только между двумя государствами, но и людьми свидетельствует эпизод бракосочетания. Свадьба восточногерманской дочери Вуттке, Марты, с западногерманским предпринимателем Хайнцем-Мартином Грундманном – аллегория на союз двух немецких государств. Весь эпизод напоминает историю не о торжестве любви, а о политическом расколе. Едкое, колкое замечание Фридриха, брата Марты, подтверждает это: «Но, может быть, мы сможем узнать, как богатый “Весси” Грундманн подобрал несчастную “Осси”, мою сестру. Расскажите-ка, шурин! Ну правда. Нет ничего лучше, чем ваши истории, да еще и со счастливым немецким концом» [Там же, с. 289]. Тема единения немецкой нации выходит из подтекста. Затем родственники, представители ФРГ и ГДР, дискутируют о единстве, но полемика не может прийти к логическому завершению как практически, так и символически. Тео Вуттке вновь заявляет о невозможности прийти к консенсусу в вопросе о единении двух держав.

Итак, исторические события не описываются в произведении, а находят весьма специфическое воплощение – в рефлексии персонажа, описании его самосознания. Тео Вуттке – свидетель происходящих в Германии событий, выразитель субъективно-исторических воззрений самого Грасса. Все размышления героя напрямую связаны с общественно-политической ситуацией как прошлого, так и настоящего. По мысли Тео Вуттке, «в Германии единство всегда разрушало демократию» [Там же, с. 55]. Для того чтобы прояснить суть исторического движения, он обращается к жизни и творчеству Т. Фонтане, что помогает ему не только прояснить содержание современной действительности, но и интерпретировать события прошлого, их влияние на настоящее.

На протяжении развития всего сюжетного действия Грасс ведет с читателем интертекстуальную игру, совмещая исторический и литературный материал, синтез которых позволяет читателю выявить не только ключевую идею произведения, но и умонастроение самого писателя – скептическое отношение к воссоединению Германии. Уже в самом эпиграфе к роману немецкий прозаик

указывает на литературный код, благодаря которому возможно разгадать авторский замысел. Важно отметить, что «в начале своего пути Грасс почти исключительно ограничивается намеками, аллюзиями и тому подобными зашифровками», но уже «в зрелом творчестве он сам раскрывает источники своих образов» [Крепак³, 1987, с. 36]. И «Широкое поле» – яркое тому подтверждение.

Произведение открывается цитатой из романа «Эффи Брист» («Effi Briest», 1895) Т. Фонтане, произнесенной в финале отцом главной героини: «Ах, оставь, Луиза... Это уже совсем темный лес» [Фонтане, 1960, с. 290]. Если в тексте Фонтане высказывание главы семейства Бристов служит объяснением личной трагедии его дочери Эффи, то у Грасса оно обретает новое звучание и смысл. Для немецкого писателя эта фраза становится не только данью уважения к художественному наследию Т. Фонтане, но и метафорой бескрайнего, необъятного литературного поля, в котором существует Тео Вуттке. Кроме того, в этом высказывании ощущается и свойственная творчеству Грасса ирония, благодаря которой оказываются «высмеяны претензии на объяснение истории и вера в исторический прогресс» [Данилина, 2002, с. 143].

Вспоминая трагические страницы немецкой истории, грассовский герой стремится увидеть причинно-следственные связи, найти ответы на вопросы о причинах общественно-политических катаклизмов, роли человека в их участии. Поиск истины – вот настоящая цель Тео Вуттке: «Все это ужасно верно. Но то, что правильно, необязательно должно быть правдой. Правда – это широкое поле» [Grass, 1995, S. 140]. И в этом отношении идиоматическое высказывание «ist ein wiertes Feld», нередко упоминающееся героем, свидетельствует о невозможности прийти к завершению разговора о глобальных вопросах как человеческой жизни, так и национальной истории.

Приступая к анализу интертекстуальной природы романа «Широкое поле», прежде всего необходимо остановиться на специфике образа главного героя.

Идею зарождения образа Тео Вуттке можно проследить в последующем произведении Г. Грасса – «Мое столетие» («Mein Jahrhundert», 1999), опубликованном спустя несколько лет после выхода в свет «Широкого поля». Будучи в Индии со своей супругой Утой Грунерт, Грасс увидел во сне самого Т. Фонтане, который восседал под грушевым деревом с его женой: «С этого дня – что я говорю всякий раз, когда излагаю содержание своего сна – у нас возник брак втроем. Те двое уже не могли больше от меня избавиться. Уте такое решение вопроса даже понравилось, а с самим Фонтане я все больше и больше сближался, да-да, еще в Калькутте я начал читать все им написанное» [Грасс, 2001, с. 269]. Вступая в своем сне в дружеские взаимоотношения с немецким классиком XIX в., Грасс начинает активно изучать его творчество, тем самым углубляя свой интерес. Именно так и появился сконструированный образ главного героя романа «Широкое поле» Тео Вуттке, построенный из цитат и биографических фактов из жизни и творчества Т. Фонтане.

³ Крепак Е.М. Проза Гюнтера Грасса 70-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1987. 198 с.

С самых первых строчек читатель знакомится с прозвищем главного героя (Фонти), которым нарекают его сотрудники архива Фонтане: «В Архиве мы называли его Фонти; нет, многие, кто сталкивался с ним, говорили: “Ну, Фонти, опять почта от Фридлиндера? И как поживает дочурка? Не только в Пленцберге, но и повсюду ходят слухи о свадьбе Мете. Так ведь, Фонти?”» [Grass, 1995, S. 7]. Действия героя-протагониста, как и вся его жизнь, продиктованы личностью самого Фонтане: Вуттке родился 30 декабря, что и Фонтане, но с разницей в 100 лет; Нойруппин – место рождения исторического Фонтане и, разумеется, Тео в марке Бранденбург. При этом в романе встречается и свойственное грассовскому стилю ироническое осмысление фактов из жизни Фонтане. Так, Тео Вуттке, подобно своему историческому прототипу, одержим Шотландией, но эта страсть выражается в любви к клетчатым шарфам и ресторану быстрого питания «Макдоналдс». Согласно точке зрения С. МакКракена, «граница между ними (Теодором Фонтане и Тео Вуттке. – В.Б.) стирается все сильнее, т.к. Фонти не только физически похож на своего героя, но и жена, и дети Фонти также являются отражением семьи Фонтане. Жизнь Фонти в XX столетии просматривается как искаженное зеркальное отражение жизни Фонтане в XIX веке» [McCracken, 2015, p. 195].

Фонти неоднократно цитирует своего кумира. Так, одним из ярких эпизодов, подтверждающим данный тезис, является сцена у Бранденбургских ворот, когда Фонти наизусть читает стихотворение «Прибытие» («Einzug», 1871) Т. Фонтане, которое «16 июня 1871 года было напечатано в берлинском “Фремденунд-анцайгенблатт” в этот же знаменательный день по случаю победы, и его рифмы славили победоносное окончание войны с Францией, а также основание рейха и коронацию прусского короля как немецкого кайзера» [Grass, 1995, S. 19]. Герой Грасса цитирует данное стихотворение не случайно. Тео Вуттке уравнивает в своем сознании два исторических события: окончание Франко-прусской войны при О. фон Бисмарке и объединение Германии, – посредством обращения к литературе. Он стремится показать, что воссоединение ГДР и ФРГ в XX в. является очередным повторением исторического события, произошедшего в XIX в. и повлекшего за собой тяжелые последствия для немецкой нации.

Тео Вуттке является носителем высоких интеллектуальных способностей, эйдетического типа памяти, позволяющего запоминать ему все увиденное и прочитанное. Благодаря своим способностям он размышляет об истории, стремится узреть «повторения, переклички, цикличность, взаимодополняемость жизни и смерти» [Grass, 1995, S. 71]. И помогает ему в этом опора на литературу, а именно на жизнь и творчество любимого писателя. В этом отношении роман Г. Грасса можно интерпретировать в контексте проблем литературной саморефлексии. Нередко ряд таких исследователей, как А.В. Добряшкина, О.Н. Турышева, видят в этом донкихотское безумие, одержимость литературой. Действительно, подобно рыцарю Печального образа, Вуттке зачастую «живет, часто не дифференцируя реальный и воображаемый регистры, искренне переживая свою жизнь как реин-

карнацию Фонтане, а подчас и как мистическое проникновение во внутренний мир его произведений, о чем свидетельствуют его обращения к героям Фонтане» [Турьшева, 2011, с. 237].

Цитируя «бессмертного» (так Вуттке говорит о Фонтане), герой стремится найти точку опоры в мире, охваченном бесконечными войнами и катаклизмами, он стремится уравнивать два полюса – мира художественной литературы и собственной жизни. Как ни парадоксально, ему это удается. Художественная словесность дает ему понять историко-социальные процессы и найти свое место в мире.

Выводы. Подводя итог, отметим, что «Широкое поле» Г. Грасса является ярким образцом историоцентричного романа. История в романе «Широкое поле» Г. Грасса рассматривается в русле концепции «четвертого времени», соположения нескольких исторических реальностей. Немецкий прозаик интерпретирует объединение Германии в контексте национальной истории, не прибегая к подробному описанию исторических событий, а воссоздавая мысль об истории сквозь призму этических и общественно-политических воззрений главного героя. Разобраться в историческом катаклизме Грассу, как и его героям, помогает литература. В произведении представлен позитивный опыт принятия уроков художественной словесности. Интертекстуальная игра, с указанными правилами и маркированными направлениями, превращает повествование в занимательный, яркий и безостановочный круговорот исторических событий. И лишь только за счет сближения с любимым автором герой Г. Грасса порождает спасительную надежду, возможность объяснения исторического развития не только общества, но и страны, наконец заканчивая разговор о «широком поле» и найдя свой путь, который так и не обрел его литературный идеал.

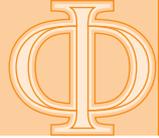
Библиографический список

1. Биктимиров В.Э. Историоцентричный роман: к постановке проблемы // Новый филологический вестник. 2021. № 1 (56). С. 54–66. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00004
2. Грасс Г. Мое столетие: роман М.: Изд-во АСТ; Харьков: Фолио, 2001. 336 с.
3. Гюнтер Грасс и Мартин Вальзер о воссоединении Германии (фрагменты, статьи и интервью) // Диапазон: Вестник иностранной литературы. 1991. № 1. С. 116–124.
4. Данилина Г.И. Нужна ли в историческом романе концепция истории? // Литература и общество: взгляд из XXI века: сб. ст. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. С. 133–143.
5. Леонова Е.А. Немецкая литература XX века. Германия, Австрия: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2010. 360 с.
6. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю.М. Антоновского; пер. комментария А.Г. Жаворонкова; науч. ред. Е.В. Ознобкиной. М.: Культурная Революция, 2007. 432 с.
7. Потёмина М.С. Литературное поле Германии после Объединения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 74–81.
8. Турьшева О.Н. Книга – чтение – читатель как предмет литературы. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 286 с.
9. Фонтане Т. Эффи Брист. М.: Гослитиздат, 1960. 299 с.

10. Шарыпина Т.А. Экзистенциализм и литературное сознание Германии XX – начала XXI вв.: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020. 128 с.
11. Шиллер Ф. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Гос. изд-во худож. литературы, 1956. Т. 4: Исторические сочинения. Статьи. 493 с.
12. Ewert M. Spaziergänge durch die deutsche Geschichte. Ein weites Feld von Günter Grass // Sprache im technischen Zeitalter, 1999. Bd. 148. S. 402–417.
13. Fontcuberta J. Presentació // Grass G. Una llarga història. Traducció de Joan Fontcuberta. Barcelona: Edicions 62, 1997. P. 5–9.
14. Grass G.S. Lenz. Existenznotwendigkeit // G. Grass. Werkausgabe in 10 Bänden. Bd. 10. Gespräche. Neuwied, 1987. S. 255–281.
15. Grass G. Ein weites Feld. Göttingen: Steidl, 1995. 781 s.
16. McCracken S. Ein weites Feld as Post-Cold War Novel // Novel. 2015. No. 48. P. 190–207. DOI:10.1215/00295132-2882617
17. Preece J., Thesz N. Günter Grass and International Literature // Oxford German Studies. 2019. Vol. 48, No. 3. P. 303–310. DOI:10.1080/17513472.2019.1664156
18. Thesz N. «Without Poachers, no Foresters, and Vice Versa»: Political Violence in Günter Grass's «Ein weites Feld» // The German Quarterly. 2007. Vol. 80, No. 1. P. 59–76. DOI:10.1111/j.1756-1183.2007.tb00062.x

Сведения об авторе

Биктимиров Владислав Эдуардович – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); e-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-102>

ARTISTIC UNDERSTANDING OF HISTORY IN G. GRASSE'S NOVEL "TOO FAR AFIELD"¹

V.E. Biktimirov (Ekaterinburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The present research is devoted to studying of the G. Grasse's novel "Too Far Afield", in which the problem of the historical fate of the nation is coupled with questions about the meaning and functioning of fiction itself in the field of national culture.

The purpose of the article is to consider the ways of representing historical material in the novel "Too Far Afield" by Gunther Grass in the context of the author's historiosophy and the concept of a historiocentric novel.

Methodology and methods. The methodology of the study is synthetic. The methods of the study include intertextual, historical-cultural and comparative-historical methods. The research is aimed not only at the analytics of the literary work by G. Grass, but also at the reconstruction of its historical concept. The research methodology is expanding with methods of hermeneutic theory.

Research results. It has been established that it is important for G. Grass to show not the official documented historiography, but the subjective interpretation of well-known facts, the truth of which is confirmed by timeless value. Referring to the theme of the resistance of the past, the author focuses not only on the consequences of the unification of Germany in the 19th century, but also on the new historical reality, the era of the unification of Germany in the 20th century, in which the modern generation of Germans should exist. The literature, life and work of the German realist Theodor Fontane helps Grass to understand the historical cataclysm.

Keywords: *history, historiocentric novel, T. Fontane, G. Grass, "Too Far Afield", German literature.*

References

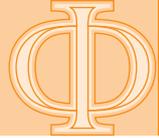
1. Biktimirov V.E. Historiocentric Novel: Formulating the Definition // *New philological bulletin*. 2021. No. 1 (56). P. 54–66. DOI: 10.24411/2072-9316-2021-00004
2. Grass G. *My Century: Novel*. Moscow: OOO "AST Publishing"; Kharkov: Folio, 2001. 336 p.
3. Gunter Grass and Martin Walser about the reunification of Germany (excerpts, articles and interviews) // *Range: Bulletin of foreign literature*. 1991. No. 1. P. 116–124.
4. Danilina G.I. Does a historical novel need a concept of history? // *Literature and Society: A View from the XXI Century*. Digest of articles. Tyumen: Tyumen State University Publishing, 2002. P. 133–143.
5. Leonova E.A. *German literature of the XX century. Germany, Austria: textbook*. Moscow: Flinta: Scince, 2010. 360 p.
6. Nietzsche F. *Thus spoke Zarathustra. A book for all and none / translated from German by Yu.M. Antonovsky; commentaries translated by A.G. Zhavoronkov; scientific. ed. E.V. Oznobkina*. Moscow: Cultural Revolutiion, 2007. 432 p.
7. Potemina M.S. The literary field of Germany after the Unification // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*. 2014. No. 2. P. 74–81.
8. Turysheva O.N. *Book – reading – reader as a subject of literature*. Yekaterinburg: Ural University Publishing, 2011. 286 p.

¹ The research was funded by RFBR, project number 19-312-90017.

9. Fontane T. *Effe Brist*. Moscow: Goslitizdat, 1960. 299 p.
10. Sharypina T.A. *Existentialism and literary consciousness of Germany in the XX – early XXI centuries: monograph*. Nizhny Novgorod: Publishing of the UNN named after N.I. Lobachevsky, 2020. 128 p.
11. Schiller F. *Collected Works in seven volumes*. Moscow: State Publishing of Fiction, 1956. Vol. 4: *Historical writings. Articles*. 493 p.
12. Ewert M. *Walks through German history. Too Far Afield by Günter Grass // Language in the technical age*, 1999. Vol. 148. P. 402–417.
13. Fontcuberta J. *Presentation // Grass G. Too Far Afield. Translation by Joan Fontcuberta*. Barcelona: Edicions 62, 1997. P. 5–9.
14. Grass G. S. Lenz. *Existential necessity // G. Grass. Collected Works: in 10 vol. Neuwied*, 1987. Vol. 10: *Conversations*. P. 255–281.
15. Grass G. *Too Far Afield*. Göttingen: Steidl, 1995. 781 p.
16. McCracken S. *Ein weites Feld as Post-Cold War Novel // Novel*. 2015. No. 48. P. 190–207. DOI:10.1215/00295132-2882617
17. Preece J., Thesz N. *Günter Grass and International Literature // Oxford German Studies*. 2019. Vol. 48, No. 3. P. 303–310. DOI:10.1080/17513472.2019.1664156
18. Thesz N. “Without Poachers, no Foresters, and Vice Versa”: *Political Violence in Günter Grass’s “Ein weites Feld” // The German Quarterly*. 2007. Vol. 80, No. 1. P. 59–76. DOI:10.1111/j.1756-1183.2007.tb00062.x

About the author

Biktimirov Vladislav Eduardovich – PhD Candidate, Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); e-mail: v.e.biktimirov@yandex.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-103>

УДК 82.091

ОБРАЗЫ ГЕРОИНЬ ПОВЕСТИ «НЕДЕЛЯ КАК НЕДЕЛЯ» Н.В. БАРАНСКОЙ И РОМАНА «ГОСПОЖА КИМ ЧЖИ ЕН, РОЖДЕННАЯ В 1982 ГОДУ» ТЕ НЭМ ДЖУ В СВЕТЕ ГЕНДЕРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

А.В. Бурылова (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье представлена парадигма социальных, эмоциональных и гендерных проблем, с которыми сталкиваются работающие матери с детьми в России и Южной Корее. На примере повести «Неделя как неделя» Н.В. Баранской и романа «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» Те Нэм Джун разворачивается анализ образа героинь, анализируется то, как они воспринимают себя и как к ним относятся окружающие.

Ключевые слова: *актуальная проза, южнокорейская проза, гендерная проблематика, феминизм, образ современной героини.*

Согласно Индексу гендерного разрыва, на 2020 г. Россия занимает 81-е, а Южная Корея 102-е из 156 мест. Индекс измеряет уровень гендерного разрыва, существующий в разных странах между женщинами и мужчинами, по 14 различным переменным в четырех ключевых областях: экономическое участие и карьерные возможности, образование, здоровье и выживание, политические права и возможности.

Будучи, по сути, достаточно развитыми странами, Россия и Южная Корея находятся на довольно низком уровне по столь важному вопросу, как гендерные права, поэтому можно смело говорить о схожести проблем, с которыми сталкиваются русские и южнокорейские женщины.

Помимо доступа к ресурсам и возможностям в отдельных странах, существует еще так называемая «вторая смена». Термин ввела Арли Хокшильд в 1989 г. в книге «Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме», где показала, что у мужчин и женщин разрыв существует не только в заработной плате и карьерном росте, но и в отдыхе после работы, поскольку женщины часто тратят значительно больше времени, чем мужчины, на домашние дела и уход за детьми. Этому способствуют в том числе и традиционные гендерные роли, которые были приняты обществом с течением времени. Вторая смена – это двойное бремя оплачиваемого и неоплачиваемого труда, с которым сталкиваются работающие женщины.

Так же остро стоит и проблема постнатальной депрессии, которую многие годы никак не упоминали и замалчивали, так что молодые матери, столкнувшиеся с ней, были уверены, что они неправильные и не справляются со своей ролью. И только в последние годы эта проблема получила широкое освещение в обществе.

Означенные социальные, эмоциональные, гендерные проблемы нашли отражение в современной художественной литературе обеих стран. Повесть Натальи Владимировны Баранской «Неделя как неделя» была опубликована в 1969 г. в № 11 журнала «Новый мир». Роман Те Нэм Джу «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» был переведен на русский и выпущен в 2020 г.

«Гендерная система общества оказывает влияние на создание, анализ и интерпретацию литературного произведения, что находит отражение и в содержании, и в форме литературного произведения, а также особенностях читательского восприятия» [Охотникова, 2002, с. 278].

Это объясняет тот факт, что оба текста, написанные в разное время и в разных странах, поднимают одни и те же важные для современной женщины проблемы – осуждаемые обществом льготы работающей матери, «вторая смена» и послеродовая депрессия.

Кроме поднятых проблем, в произведениях прослеживается ряд схожих поэтических приемов и стратегий:

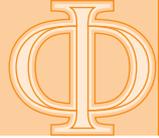
– распределение глав – в повести «Неделя как неделя» семь глав, каждая из которых носит название дня недели («Понедельник», «Вторник», «Среда» и т.д.). В романе «Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году» также каждая глава названа по определенному промежутку жизни главной героини («Детство», «Юность», «Начало взрослой жизни» и т.д.);

– образы главных героинь – в обоих произведениях главными персонажами являются работающие женщины-матери примерно одного возраста. Согласно исследованию Хокшилд, данная возрастная категория сталкивается с особыми трудностями:

«В период между 27 и 35 годами – а это лучшее время для рождения и воспитания детей – к женщинам также предъявляются наиболее высокие карьерные требования» [Хокшилд, 2020, с. 4].

Ольге Воронковой 26 лет, у нее двое детей, и она работает младшим научным сотрудником в московском НИИ. Ким Чжи Ен – 33 года, у нее один ребенок, она работала в небольшом пиар-агентстве, но на момент действия романа ухаживает за годовалой дочерью;

– образы мужей – мужья главных героинь очень схожи, оба работают, получают больше, чем жены, и в целом их можно охарактеризовать «хорошими ребятами», как говорит одна из героинь романа, спасшая Чжи Ен от домогательств. Мужчины делают условный минимум домашних дел, чтобы нельзя было упрекнуть их в отсутствии помощи, и предлагают женам уйти с работы, чтобы было больше времени на уход за детьми, не допуская мысли, что женщина может хотеть работать и реализовываться не только в роли матери.

Но помимо этого, в обоих произведениях есть еще один важный момент, объединяющий их. Мотив перевоплощения. В текстах он реализуется по-разному, но в обоих случаях играет принципиальную роль для понимания произведений.

Архетипический мотив перевоплощения характерен для мифических, сказочных и фантастических сюжетов. М. Бахтин писал, что в оболочке метаморфозы выражена идея развития, но не плавного и постепенного, а скачкообразного [Бахтин, 1975, с. 262–266].

А.Х. Гольденберг в работе «Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н.В. Гоголя» выделяет обратимые и необратимые превращения, переодевания и подмены [Гольденберг¹, 2007, с. 25].

В исследуемых текстах нет фантастической составляющей, мотив превращения реализуется через психологические изменения.

В романе «Госпожа Ким Чжи Ен...» этот мотив обратимого превращения появляется на первых же страницах. В разговоре с мужем она вдруг начинает вести себя в точности, как ее мать, но мужу, Дай Хуню, кажется, что это лишь шутка:

«Подражание ее матери было безупречным, вплоть до характерного моргания правым глазом, когда та о чем-то просила» [Те Нэм Джу, 2020, с. 12].

Второй раз она вдруг превращается в умершую подругу – Суныг Юн. Они с мужем выпивают, и вдруг Чжи Ен начинает говорить от лица Суныг Юн:

«Эй, Чжи Ен сейчас тяжело. Возня с младенцем ужасно выматывает» [Те Нэм Джу, 2020, с. 14].

Изменяются ее поведение и речевые характеристики, она говорит резко, обращается к мужу эй, ты.

И это могло бы восприняться как шутка, если бы Чжи Ен не назвала факты, о которых знали лишь умершая и Дай Хунь. И последним моментом, вынудившим пару обратиться к специалисту, стал визит к родителям Дай Хуня на Чхусок. В этот праздник принято много готовить, и этим занимаются женщины. Пока остальная семья веселится, Чжи Ен со свекровью готовят огромное количество еды. И когда свекровь спрашивает, не устала ли Чжи Ен, та обращается в свою мать, и начинает ругать семью мужа за то, как они с ней обходятся:

«Щеки Чжи Ен покраснели, выражение лица смягчилось, а глаза потеплели. Дай Хунь встревожился, но прежде чем он успел что-то сказать или вывести жену из комнаты, Чжи Ен заговорила:

– Да, госпожа Джан. Моя маленькая Чжи Ен после каждого такого праздника не может подняться с постели» [Те Нэм Джу, 2020, с. 20].

Чжи Ен перевоплощается, меняет лица с одной целью – защитить себя. Всю жизнь окружающие ей внушали, что у нее нет права жаловаться, воспитывали покорной. Само общество показывало, что мужчины лучше женщин – начиная от очереди на бесплатный обед в школе, где в начале списка были мальчики, за-

¹ Гольденберг А.Х. Фольклорные и литературные архетипы в поэтике Н.В. Гоголя: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 40 с.

канчивая идентификационным номером в документах, где у мужчин первая цифра – единица, а у женщин – двойка. Поэтому она не умеет постоять за себя. Собственно, ее «болезнь» и появляется в момент, когда она случайно слышит разговор двух офисных сотрудников, обсуждающих ее, пока гуляет в парке с дочкой:

«Хотел бы я жить на содержании у мужа... Таскаться по паркам и распивать кофе... таким паразиткам одно удовольствие» [Те Нэм Джун, 2020, с. 179].

Она не может ответить им, но их слова сильно ранят ее, и она выплескивает свою боль на мужа:

«Мои привычки, карьера, мои мечты, да и вся моя жизнь, я сама – я все отдала, чтобы растить этого ребенка. И вот я стала паразитом» [Те Нэм Джун, 2020, с. 180].

От неспособности заступиться за себя самой, она и превращается в других – более решительных и сильных женщин. Сунь Юнг – резкая и смелая, не испугавшаяся первой признаться в любви, а после того как ее отвергли, сумевшая сохранить дружбу. Мать Чжи Ен – женщина, всю жизнь жившая в тени мужчин – сперва братьев, затем мужа, но именно благодаря ее стараниям их семья преуспела в жизни.

«Чжи Ен время от времени превращалась в других людей. Кто-то был жив, кто-то умер, но все они были знакомыми ей женщинами» [Те Нэм Джун, 2020, с. 181].

И эти женщины в итоге определили образ Чжи Ен, избавляя ее от страха.

В повести «Неделя как неделя» этот мотив реализуется совершенно другим образом, не как мгновенное обращение, а скорее как переодевание, которое воплощает представление о перемене сути образа.

В главе «Среда» героиня Ольга Воронкова поглощена работой, совместными закупками продуктов с коллегами. Кроме важнейших испытаний, которые ей нужно успеть провести до конца года, она сталкивается с дополнительными заданиями от начальника. И в этот же день происходит несколько событий, становящихся для Оли своеобразным триггером: она идет в парикмахерскую и на работе продают билеты в театр.

После стрижки она вдруг превращается в себя, но такую, какой была пять лет назад, до замужества и детей. В тексте воплощается и мотив зеркального отражения, когда человек, смотрящийся в зеркало, переживает раскол собственного «Я»:

«Леня щелкает ножницами, приговаривая что-то свое, поднимая и опуская мою голову легким прикосновением пальцев, потом стрекочет машинкой, взбивает волосы расческой и наконец, сняв с меня простыню, говорит:

– Можете открыть.

Открываю глаза и вдруг вижу молоденькую забавную девчонку, улыбаюсь ей, а она – мне. Я смеюсь, Леня тоже» [Баранская, 1969, с. 36].

Оля возвращается на работу, где дают билеты на знаковый спектакль «Бег», и понимает, что не была в театре очень давно:

«Культипоход – это не для меня, не для нас с Димой. Мне делается грустно. Мы не были в театре... Пытаюсь вспомнить, когда же мы ходили куда-нибудь, и

не могу. Дура я, что не заказала билет. Пусть бы Дима пошел один, мы ведь все равно не можем вместе» [Баранская, 1969, с. 37].

И это столкновение разных точек зрения на себя, понимание того, что она еще очень молода и красива, что давно не получала простых удовольствий от жизни, приводит к тому, что героиня начинает вспоминать. Момент восприятия собственного прошлого, знакомства с мужем приводит к тому, что героине кажется, что прошлая жизнь ей не принадлежит, что это история другого человека:

«Все это было, но так давно, так ужасно давно, что мне кажется будто это была не я, а какая-то ОНА. Было так: ОНА увидела его, ОН увидел ее, и они полюбили друг друга <...>. Каждым движением своим отвечала она его взгляду, ей было весело, радостно, она кружилась непрерывно и все не могла устать» [Баранская, 1969, с. 38].

Разделение на себя-настоящую и ЕЕ-прошлую показывает, что героиня из живого человека превратилась в функцию – не Оля Воронкова, а мать, жена, научный сотрудник. И эти воспоминания о том, как она была счастлива и как теперь погребена под огромным количеством дел, становятся высшей точкой, после которой ее хрупко выстроенный быт начинает осыпаться. Осознание жизненной неудачи приводит к срыву на работе, когда героиня высказывает наболевшее на политминутке, и затем дома, когда даже на выходных она вынуждена заниматься домашней работой, пока муж читает журнал и отказывается ей помогать.

В обоих текстах «перевоплощение» играет важную роль – помогает героиням выплеснуть накопившуюся обиду на несправедливость мира, высказаться в той или иной форме, дать понять окружающим, как на самом деле тяжело приходится женщине, работающей и воспитывающей детей. Оно становится катализатором внешних событий и одновременно позволяет читателю заглянуть во внутренний мир персонажей.

В настоящее время институт семьи переживает кризис, речь идет в том числе о смене гендерных ролей, однако изменения такого рода – длительный процесс со сложно прогнозируемым результатом. Но то, что между написанием произведений прошло около пятидесяти лет, а оба текста сохраняют актуальность и сегодня, доказывает, что существенных изменений за этот период в обществе не произошло.

Схожесть проблем, поднимаемых в литературах России и Южной Кореи, показывает общность трудностей, с которыми сталкиваются женщины, живущие в патриархальном обществе, а особенно женщины, зависящие от мужчин – молодые матери, вынужденные, помимо работы, ухаживать за детьми и вести домашнее хозяйство.

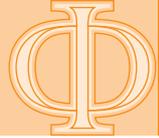
Гендерная проблематика сегодня – одна из ключевых в литературе. Трансформация образа, поведения современного мужчины не может не отражаться на переосмыслении роли и функций женщины [Ковтун, 2015, с. 58], которая берет заботы о семье на себя и требует уважения к собственной миссии.

Библиографический список

1. Баранская Н.В. Неделя как неделя // Новый мир. 1969. № 11. С. 23–55.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики // Бахтин М.М. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
3. Гендерная проблематика в современной литературе: сб. науч. тр. / отв. ред. и сост. Н.Т. Пасхарьян. М.: ИНИОН РАН, 2010. 215 с.
4. Ковтун Н.В. «Женский вопрос» в творчестве В. Распутина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2015. № 1. С. 58–75
5. Охотникова С. Гендерные исследования в литературоведении: проблемы гендерной поэтики. Иваново, 2002. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovanija_v_literature.htm (дата обращения: 10.11.2021).
6. Современная литературная теория: антология / сост., пер., примеч. И.В. Кабановой. М.: Флинта: Наука, 2004. 342 с.
7. Те Нэм Джу. Госпожа Ким Чжи Ен, рожденная в 1982 году. М.: Эксмо. 2020. 192 с.
8. Хокшилд А. Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 368 с.

Сведения об авторе

Бурылова Арина Викторовна – аспирант, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: arjen91@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-17-4-103>

IMAGES OF THE HEROINES OF THE NOVELLA “A WEEK LIKE A WEEK” BY N.V. BARANSKAYA AND THE NOVEL “MRS. KIM JI-YONG, BORN IN 1982” BY TE NEM JU IN THE LIGHT OF GENDER ISSUES

A.V. Burylova (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article presents a paradigm of social, emotional and gender problems faced by working mothers with children in Russia and South Korea. Using the example of the novel “A Week as a Week” by N.V. Baranskaya and the novel “Mrs. Kim Ji-Yong, born in 1981” by Te Nem Ju, the analysis of the image of the heroines unfolds, how they perceive themselves and how others treat them.

Keywords: *current prose, South Korean prose, gender issues, feminism, the image of a modern heroine.*

References

1. Baranskaya N.V. A week like any other // *New World*. 1969. No. 11. P. 23–55.
2. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics // Bakhtin M.M. *Studies of different years*. Moscow: Art. lit., 1975. 502 p.
3. *Gender issues in modern literature: a collection of scientific papers* / Ed. and comp. N.T. Paskharian. Moscow: INION RAS, 2010. 215 p.
4. Kovtun N.V. “Women's question” in the works of V. Rasputin // *Philological sciences. Scientific reports of the Higher School*. 2015. No. 1. P. 58–75.
5. Okhotnikova S. *Gender studies in literary studies: problems of gender poetics*. Ivanovo, 2002. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/gender_issledovaniya_v_literature.htm (access date: 10.11.2021).
6. *Modern literary theory: an anthology* / comp., trans., note by I.V. Kabanova. Moscow: Flinta: Science, 2004. 342 p.
7. Cho Nam-Joo. *Kim Ji-young. Born 1982*. Moscow: Eksmo, 2020. 192 p.
8. Hochschild A. *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. 368 p.

About the author

Burylova Arina Viktorovna – PhD Candidate, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: arlen91@mail.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (от 20 000 до 40 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора/авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

.....

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In: European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.
2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2021. № 5 (17)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 29.12.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 9,5